

Паутина

Автор:

Николай Свечин

Паутина

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #28

«Царь с царицей попали под влияние Распутина, самодержавие деградирует, России нужно обновление – конституционная монархия или даже республика... Лыкову, отпущенному из тюрьмы и восстановившему и должность, и свой дворянский титул, «прогрессивные» политики предлагают принять участие в династическом перевороте.

Лыков разочарован в монархии, но и к заговорщикам примкнуть не готов.

Остается договариваться с обеими сторонами – ради мира и порядка...»

Николай Свечин

Паутина

© Свечин Н., 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Опальный

Товарищ министра внутренних дел Золотарев вызвал к себе директора Департамента полиции Белецкого и чиновника особых поручений Лыкова. Подчиненных он встретил насупленно:

– Опять у вас безобразия? Сколько так будет продолжаться?

– Где на этот раз вы их обнаружили? – с легкой иронией уточнил Белецкий.

– Да прямо у вас под носом, в столице. Вот!

И товарищ министра протянул директору лист бумаги. Лыков узнал сводку происшествий по Петербургу, которую градоначальство ежедневно присылало на Фонтанку. Один абзац в ней был отчеркнут синим карандашом. Именно так накладывал резолюции министр внутренних дел тайный советник Макаров.

– Ну-ка... – сыщик отобрал у начальства бумагу и прочитал вслух: – «Отмечено ограбление казенной винной лавки напротив Ириновского вокзала, уже четвертое с начала июня». Что, Департамент полиции должен теперь дознавать погромы винных лавок? Игнатий Михайлович, поясните, пожалуйста.

Лыков третью неделю как восстановился на службе. В начале 1912 года он угодил по ложному обвинению в Литовский тюремный замок. Друзья сумели доказать его невиновность лишь к лету. Ошельмованный сыщик вернул себе дворянство, чин и ордена, а вот прежнее место ему пришлось отвоевывать. Министр всячески препятствовал этому. Макаров взъелся на Лыкова непонятно за что, упек его в кутузку, а потом пытался третировать. В конце концов все наладилось. Статский советник не показывался тайному на глаза, а масштаб его поручений уменьшился. Прошли те времена, когда Алексей Николаевич выполнял высочайшие повеления или приказы председателя правительства. Сейчас высшей для него инстанцией стал бесцветный Золотарев, курирующий вопросы полиции через пень-колоду... Ну и черт с ними, небожителями, решил Лыков. Когда надо, в верхах бывал директор департамента и передавал потом задания для исполнения вниз. Но вот пресечь грабежи казенных винных лавок – это уже чересчур.

Белецкий тоже обиделся – и за свое ведомство, и за подчиненного:

– Да, Игнатий Михайлович, как же так? Градоначальство на что? Мы все же Департамент полиции, а не Охтенский полицейский участок!

Золотарев смутился, но пересилил себя и опять напустил строгость:

– Приказ Александра Александровича[1 - Макаров Александр Александрович – министр внутренних дел. (Здесь и далее – примеч. автора.)]: помочь, бросив все другие дела. У вас, Степан Петрович, есть же в подчинении умелые люди, опытные сыщики... Или нет? Вы утверждали, что имеются.

Белецкий фыркнул:

– Самый опытный перед вами, Алексей Николаевич Лыков. Только к лицу ли нам палить по воробьям из полевой гаубицы? Много чести.

– Приказы начальства обсуждать – последнее дело, – нравоучительно парировал товарищ министра. – Потому мы этим заниматься не станем. А пойдем их выполнять. Ясно?

Департаментские повесили головы. Макаров, мелочная душа, вымещал злобу на подчиненных. Но формально он имел право раздавать им любые поручения, даже такие дурацкие. Приходилось мириться.

– Разрешите уточнить, ваше превосходительство, что именно поручено вверенному мне департаменту? – перешел на официальный тон Белецкий.

– Оказать содействие полиции градоначальства в поиске и ликвидации грабителей винных лавок. Казне нанесен значительный ущерб. Три, что ли, тысячи... Филиппов[2 - Филиппов Владимир Гаврилович – начальник Петербургской сыскной полиции (ПСП).] не справляется. Сейчас конец июля, полтора месяца идут погромы, результатов нет. Мы Петербург! Тут муха не должна пролететь без ведома властей. А у них четыре ограбления подряд.

– А что на это сказал Даниил Васильевич? – задал резонный вопрос Лыков. Дело в том, что министр не мог просто так взять и послать Департамент полиции

подпереть столичных сыщиков. У тех был свой атаман, градоначальник Драчевский. Даниил Васильевич являлся человеком честолюбивым и не терпел вмешательства посторонних в свои дела.

– Министр ему телефонировал и заручился согласием, – пояснил Золотарев. – Так что... начинайте. Вы свободны.

Полицейские вышли из кабинета и некоторое время молчали. Кругом уши, мало ли что. Лишь когда они оказались в огромном кабинете Белецкого, тот смачно выругался. Потребовав чаю, Степан Петрович не без смущения заявил статскому советнику:

– Деваться некуда, идите на Офицерскую и разберитесь. Четыре нападения за полтора месяца – и впрямь многовато. Чего Филиппов тянет? Вдруг ему действительно нужна ваша помощь?

– Владимиру Гавриловичу? – усмехнулся Лыков. – Кому угодно, только не ему. Он еще нас с вами поучит жуликов ловить.

Директор молча смотрел в стакан. Алексей Николаевич так же молча кивнул и отправился к себе. Из кабинета он связался через телефон с начальником ПСП и начал было ему объяснять, что им надо увидаться. Однако тот перебил собеседника:

– Я уже в курсе. Если есть время, приходите прямо сейчас.

Вскоре два сыщика распивали чай и перемывали кости министру. Чин градоначальства сообщил департаментскому, как все вышло. Оказалось, что Макаров перехватил Драчевского где-то на улице и попросил «занять хоть чем-нибудь этого бездельника». Лыков-де явился обратно на службу против его воли и теперь сидит сиднем. Получает огромное жалованье, сам ничем не занимается, играет фронду и распускает про шефа грязные сплетни. Драчевский, по словам Владимира Гавриловича, высказал удивление. Он знает Лыкова не первый год, и тот представляется градоначальнику умным, опытным и порядочным. На что министр заявил: вот и забирайте такого порядочного себе, а мне он не нужен... На ходу сановники сочинили повод, а именно грабежи казенных винных лавок. После этого генерал позвонил Филиппову, извинился, что не сумел сдержать министерского напора, и попросил тактично разъяснить

все Алексею Николаевичу. Навязчивую просьбу «честного нотариуса»[3 - «Честный нотариус» – прозвище Макарова в правительственных кругах.] придется выполнить. Если получится у статского советника чем-то помочь ПСП, он, Даниил Васильич, будет признателен. А так... чего обижаться на дурака. Макаровым в Царском Селе недовольны, его рано или поздно турнут с должности, и все наладится.

Лыкову было неприятно слушать, какие гадости говорит о нем собственное начальство. Но что поделаешь? Сыщик служил в столице уже больше тридцати лет. В кругах правоохранителей его репутация стояла высоко. Умные люди знали цену макаровским инсинуациям, знали и их подоплеку. Оставалось терпеть и ждать, пока нотариуса отправят в Госсовет.

– Владимир Гаврилович, что там на самом деле с нападениями? Уже четвертое. Почему вы их не завинтили до сих пор?

– Да вот-вот завинтим. Ребята не простые фартовые, а с политическими запросами. Мы и валандались с непривычки. Пришлось втянуть охранное отделение.

– Грабят винные лавки под видом борьбы за свободу? Анархисты, что ли?

– Они самые, Алексей Николаевич.

И Филиппов рассказал коллеге о ходе дознания.

Первое нападение случилось 3 июня, когда Лыков еще состоял под судом и ждал оправдания. Восемь человек ворвались в лавку на Большой Белозерской улице под вечер, когда сиделец подсчитывал выручку. Дали рукояткой нагана по голове, выхватили кассу и ушли вразвалку. Потерпевший никаких примет вспомнить не смог. Сказал, что ребята вели себя нагло. Орудовали не спеша, без стеснения, захватили с собой дюжину бутылок с красной головкой. Денег взяли триста сорок шесть рублей.

Сыскная сначала не обратила на этот налет особого внимания. Ну, приказали агентуре наострить уши... Однако уже через неделю наглецы отметились вторично. Они разгромили популярную казенку на углу Арсенальной и Минеральной улиц. Половина пролетариев Выборгской стороны покупала там

огненную воду. Держателю лавки сунули в бок нож, его помощнику сломали руку. Опять нападавших было восемь, и опять приметы отсутствовали. Выручка составила тысячу с лишним рублей, и градоначальник осерчал. За бандитов взялись всерьез. Сыскные надзиратели прошлись по притонам правого берега Невы. Трясли шпанку как следует, но выяснили лишь одно: громилы были не из фатовых. Прикатили откуда-то со стороны, с местным отребьем не общались. В пивной «Мюнхен» их несколько раз видел осведомитель. Восемь мужиков, развязные. Пили крепко и говорили про народное счастье. Называли себя анархистами-синдикалистами, а рожи такие, что оторопь берет. База у идейных грабителей находилась за городом. В разговорах упоминались деревни Сосновка и Гражданка. Сыщики ринулись туда – и обмишурились. Похоже, ребята были не столь глупы и нарочно дали ложный след. Розыски окончились впустую, а тем временем состоялось третье ограбление. Разбили лавку № 217, что возле Строгановского сада. Стоявший у двери рабочий авиационной мастерской Русско-Балтийского вагонного завода попытался помешать грабителям. Его застрелили в упор. Заодно ранили сидельца с помощником, помощник к утру скончался. Отобрали шестьсот с небольшим рублей денег, снова прихватили водку и ушли в сторону Черной речки.

Два убийства всполошили власти окончательно. Филиппов получил нагоняй и отправился в Петербургское охранное отделение. Начальник ПОО полковник фон Коттен дал ему сведения об анархистах. Оказалось, что таковых в России уже и не осталось! Все, кто не угодил на каторгу, сбежали за границу. И появление восьми боевиков в столице – вещь невозможная. А как же разговоры в пивной «Мюнхен», спросил главный сыщик. Сказано для отвода глаз, ответил главный охранник. Это как с Гражданкой, называется дезинформация. Искать надо в другом месте, а именно в уголовной среде.

Владимир Гаврилович не поверил Михаилу Фридриховичу. И поручил сыскному надзирателю Кренину разузнать все про идейных налетчиков. Кренин, как всегда, оказался на высоте. Он копнул глубоко и чуть ли не составил историю анархизма в России.

Филиппов вынул из стола и протянул Лыкову рапорт подчиненного на семи листах:

– Ознакомьтесь. Я сам зачитался, как Майн Ридом. Помнится, когда мы вытаскивали вас из Литовского замка, меня предупреждал о такой тенденции один из создателей «перекрасочной мастерской» Тольх[4 - См. книгу

«Взаперти»]. Он сказал, что уловил новое веяние: блатные стали объединяться с политическими. И это кончится плохо для империи. Я, признаться, не поверил. И вот доказательства. Анархисты, сволочь – чем они лучше бандитов? Но подводят под это идеологию!

Лыков взял рапорт и стал бегло его читать. Документ и впрямь оказался интересным. И он, и Филиппов, и Кренев были уголовные сыщики и с политическими противниками дел не имели. Но тут сошлись оба фланга, переплелись и объединились. Получилось месиво вполне жутковатое.

Сергей Николаевич Кренев изучил секретные архивы охранки и выяснил историю русского анархизма от Адама и Евы.

Оказалось, что русаки одарили мир двумя теоретиками – Бакуниным и Кропоткиным, но в практике убийств отстали. Повсюду уже резали власть имущих, а одна шестая часть суши спала. Сначала покушения были неудачными: дважды повезло кайзеру Вильгельму Второму и разок итальянскому премьеру Кайроли. Затем в Чикаго одной бомбой погубили сразу шестерых полицейских и восемь вожakov анархизма отправили на виселицу. Террор разгорелся с новой силой к концу столетия. Президент Франции Сади Карно, императрица Австрии Елизавета, первый министр Испании Кановас дель Кастильо, король Италии Умберто Первый, президент Северо-Американских Штатов Мак-Кинли... Самыми страшными для общества оказались безмотивники, готовые казнить всех, кто моет руки перед едой. Наконец зашевелилась и Россия.

Первые кружки появились в стране сравнительно недавно. 29 августа 1904 года в Белостоке состоялся и первый террористический акт анархистов. Нисан Фарбер, вождь организации «Борьба», ударил кинжалом в шею фабриканта Кагана. За то, что тот проявлял неуступчивость к экономическим требованиям своих рабочих. Каган выжил, а сам Фарбер умер спустя два месяца. 6 октября он пытался взорвать полицейский участок в Белостоке, но погиб от своей же бомбы. Однако знамя террора подхватили другие. И началось...

Накануне войны с Японией в стране существовало три устойчивых центра анархизма: Белосток, Одесса и Екатеринослав. Борцы с режимом имели различные оттенки, в которых путались даже специалисты ОКЖ, Отдельного корпуса жандармов. Синдикалисты, анархокоммунисты, махаевцы, хлебовольцы, чернознаменцы, безначальцы, индивидуалисты, вольные общинники... Все они вскоре так или иначе взялись за оружие. С 1905 года по улицам русских городов

обильно полилась кровь...

Безмотивники взорвали бомбы в варшавском ресторане «Бристоль» и перед одесской кофейней Либмана. Их «мотивированные» товарищи пошли еще дальше. Они подняли на воздух полицейский участок в поселке Амур-Нижнеднепровское. Убили начальника Брянского отделения Московско-Казанского ЖПУЖД[5 - ЖПУЖД – жандармско-полицейское управление железной дороги.]. Уничтожили бомбой часть помещения губернского жандармского управления в Одессе. Там же спустя полгода ограбили на 60 000 отделение Санкт-Петербургского коммерческого банка (в компании с эсерами). В Ростове-на-Дону в частном банке взяли еще больше – 200 000. В Екатеринославе взорвали гостиницу «Франция» и совершили 4 экспроприации (правда, всего на 8321 рубль). На станции Верхнеднепровск Екатерининской железной дороги разгромили почтовое отделение. В Душети Тифлисской губернии напали на казначейство и вынесли аж 250 000. В Бессарабии близ Хотина опять разнесли почту на 80 000. При этом погибло много служивых людей и немало случайных прохожих.

Всего в эти смутные годы анархисты совершили несколько десятков кровавых эксков, часто и охотно пуская в ход оружие.

След, который взял Кренев, появился в 1906 году в Москве. Там боевая группа «Свободная коммуна» совершила двенадцать нападений на рестораны, а также на артельщиков, перевозивших денежные суммы. Прежде чем жандармы разгромили группу, она успела завладеть 55 000 рублей. Большая часть налетчиков отправилась на каторгу, но некоторые уцелели. Отсидевшись где-то, в 1910-м они вновь взялись за старое. Теперь эти люди называли себя «Московской группой анархистов-коммунистов». В ней собралось более сорока боевиков, и охотнее всего они грабили именно казенные винные лавки. Не брезговали и почтово-телеграфными конторами. За полтора года анархокоммунисты совершили десяток эксков в Московской, Костромской и Смоленской губерниях, застрелив при этом семь человек. Вновь их отыскала охранка, но, как и в первый раз, переловила не всех. Восемь самых активных успели исчезнуть из Первопрестольной накануне ликвидации.

Полковник фон Коттен был убежден, что грабители с Выборгской стороны и есть те самые недобитые боевики. Московское охранное отделение сообщило ему сведения, полученные на допросах от схваченных анархистов. Вожаками коммунаров были известные деятели Вильгельм Мишке и Владимир Бармаш.

Мишке повесили в ноябре 1906 года. А вот Бармаш сильно заинтересовал Лыкова. Он начинал как эсер и принял участие в знаменитой экспроприации в Московском обществе взаимного кредита, когда было похищено 875 000 рублей. Организовал нападение Владимир Мазурин, которого Алексей Николаевич безуспешно искал после вооруженного восстания. Мазурин командовал боевиками, расстрелявшими начальника Московской сыскной полиции Войлошникова на глазах у его семьи... Лыков очень хотел свести счеты с негодяем, но его опередили. Вовка оказал при аресте сопротивление полиции и тоже закончил на виселице. А Бармаш отделался всего лишь тремя годами тюрьмы и последующей ссылкой. Весной этого года он вернулся в Москву, вскоре был арестован и снова выслан в Восточную Сибирь. По документам МОО[6 - МОО - Московское охранное отделение.], головореза изолировали от общества.

Итак, оба главаря экспроприаторов вышли из игры: один на время, второй навсегда. Кто же тогда командовал уцелевшими боевиками? Охранники предполагали, что это был третий руководитель бывшей «Свободной коммуны» Евгений Жукевич-Стоша. Отчисленный студент Московского сельскохозяйственного института, он во многом уступал предыдущим главарям и взял на себя первую роль лишь после их смерти. Согласно показаниям арестованных сообщников, Жукевич-Стоша был хитрым, честолюбивым и не забивал себе особо голову теорией анархизма. Любил красивую жизнь, рестораны и дорогие гостиницы. Носил золотые часы и запонки с бриллиантами, купленные на деньги от эксов. По характеру он напоминал хорошо знакомых Лыкову варшавяков, полуполитических-полууголовных ребят с револьверами. Такие легко сходятся с фартовыми. Почерк революционных деятелей тоже весьма походил на приемы обычных бандитов: налететь, пострелять, вместе с деньгами реквизировать водку...

Московское охранное помогло питерским коллегам идентифицировать боевиков. Но оно не знало ответа на главный вопрос: где их искать? Четыре грабежа, двое убитых и двое раненых – пора прекратить этот разгул. И тут сработали люди Филиппова. Владимир Гаврилович рассказал Лыкову ход дознания.

Экспроприаторы, как уже заметили сыщики, не слишком сдерживали себя. И сутки назад двое из них оказались замешаны в скандале в трактире «Хижина дяди Тома». Злачное заведение на Выборгском шоссе полюбилось неприхотливой публике. И анархисты подрались по пьяному делу с мастерами завода «Айваз», выпускающего гильзонабивные машины. На буянов составили протокол. Среди зевак случайно оказался сыскной надзиратель, курирующий

Лесной участок. Он заметил, что приметы одного из задержанных совпадают с приметами боевика, объявленного в розыск. Высокий мосластый парень, отзывается на кличку Каурый[7 - Каурый – светло-каштановый, рыжеватый.]. Кренев в рапорте особо выделил рыжего: по словам свидетелей, именно он застрелил пролетария возле Строгановского сада. Надзиратель проследил за скандалистами и довел их до дома № 12 по Старо-Парголовскому проспекту.

Из участка уже сообщили, что в доме прописана разная публика, в том числе восемь артельщиков из Архангельска. Привезли товар, теперь ждут заказ, чтобы не возвращаться домой с пустыми руками. Ну, попивают; а кто сейчас не пьет? Люди при деньгах, вот и балуются.

Филиппов, дойдя до этого места, хлопнул ладонью по столу и возбужденно сказал:

– Они, псоватые! Те, кого мы ищем.

– Похоже на то, – согласился Алексей Николаевич. – Я знал, что моя помощь вам не понадобится.

– Ежели хотите, можете принять участие в аресте, – предложил Владимир Гаврилович.

Лыков замешкался с ответом. Время, когда он лез в любую заварушку, давно прошло. Но сейчас сыщик оказался в неудобном положении. Собственный министр ослабил его в глазах градоначальника. Поручение помочь запоздало: люди Филиппова все уже сделали самостоятельно. Так хоть под занавес ударить пальцем о палец. Будет что указать в отчете. Есть риск словить пулю, но это ему не в новинку... И статский советник беззаботно ответил:

– С большим удовольствием приму. Когда явиться?

– К одиннадцати часам. Можете вашего аргонанта с собой прихватить. Восемь отчаянных – это много; боюсь, нас ждет бой.

Алексей Николаевич откланялся и отправился к себе на Фонтанку. Действительно, как поступить с Азвестопуло? Звать его на опасную операцию

или пожалеть? У него жена в положении, ждет второго ребенка. И Лыков решил не подвергать помощника лишней опасности.

В результате вечером ему пришлось пуститься на хитрость. Он послал Сергея в Департамент общих дел министерства, на Фонтанку, 57. Будто бы ему срочно понадобились формуляры начальников сыскных отделений Оренбурга и Астрахани. Белецкий намеревался провести их ревизию, поручение выглядело правдоподобно. Азвестопуло уже ушел, как вдруг вернулся с полдороги. И не один, а с Петровским. Лыков как раз смазывал свой браунинг, и его застали врасплох.

– Так-так... – зловеще произнес коллежский ассессор, глядя на шефа, как солдат на вошь. – Вон он до чего докатился... Ну-ну...

Петровский служил чиновником для поручений ПСП и заведовал в ней Летучим отрядом. Именно Леониду Константиновичу поручались самые опасные задержания. Подчиненные ему агенты были опытные и бывалые люди, а их начальник славился своей храбростью. Теперь он заговорил с порога:

– Алексей Николаевич, я Сергея Маноловича уже проинформировал, что собираемся на полчаса позже. Сунулся к вам картотеку посмотреть, а тут очень удачно ваш помощник...

– Действительно, удачно, – согласился Лыков. – Спасибо, и до вечера.

Петровский удалился. Азвестопуло сел напротив шефа и ощерился:

– Не наигрались еще в казаки-разбойники, ваше высокородие? Шестой десяток идет. Пора бы остепениться. Или хотя бы не врать!

Последние слова коллежский ассессор произнес с нажимом. Лыков стал оправдываться:

– Сереж, а что я мог сделать? Макаров меня в грош не ставит, ослабил в глазах Драчевского. Высосал из пальца дурацкое поручение – помочь Филиппову. Чем я могу ему помочь? Сам рассуди. Они все уже сделали без меня, анархистов нашли, сегодня ночью будут их вязать. Мне предложили явиться к шапочному

разбору.

– Это я могу понять, – сварливо ответил Сергей. – А вот...

– Почему тебя не позвал? Так это... мое поручение. Схожу поглядеть и вернусь. Делов-то. Знаешь, сколько туда народу сгонят? Люди Петровского, волкодавы из охранного, наряд полиции во главе с помощником пристава. Ну и я, грешный, буду путаться у них под ногами. Ты там для чего?

– Ага! Вы еще скажите: жена в положении.

– И скажу! Разве не так? Сергей, зачем ты скандализируешь? Обычное задержание, сколько их уже было?

– Так ведь это анархисты, а не карманники с трамвая! – сорвался помощник. – Восемь стволов. По кой шут вы вообще туда лезете? Вам же не поручали их арест! На это имеются чины градоначальства.

Полицейские замолчали – говорить было не о чем. Спустя минуту Азвестопуло полез в стол, вынул свой маузер и тоже начал его смазывать.

Лыков оказался прав: к дому на Старо-Парголовском проспекте явилась целая толпа. Семеро с Офицерской, восемь с Александровского проспекта[8 - По адресу Александровский проспект, 2, располагалось Петербургское охранное отделение.], десяток городских от Лесного участка, и до кучи два чина Департамента полиции. Алексей Николаевич быстро понял, что провести операцию тихо у них не получится. Под ложечкой сразу заныло. Хоть бы он пришел один, без Сергея! Но тот увязался с ним и сейчас машинально поигрывал маузером, унимал волнение.

Дрейфила, между прочим, вся арестная команда. Лица у людей были напряженные, они нервно переговаривались и приказ оцепить дом выполняли как-то заторможенно, неохотно.

Проспект был окраинный, его застроили двухэтажными коробками неприятной архитектуры. Двенадцатый дом оказался в три этажа, с

мелочной лавкой внизу. Нужные полиции люди проживали наверху, в большой угловой квартире. Руководил арестом Петровский. Он расставил городских снаружи, а сам со своими людьми вошел в подъезд. Чины охранного отделения во главе с ротмистром Вуичем шли во втором эшелоне. Лыков с Азвестопуло остались у ворот, готовые вмешаться, когда понадобятся. Но тут произошло то, чего статский советник и опасался. Команда наделала шума, анархисты успели приготовиться к обороне. И сверху во двор полетела бомба...

Алексей Николаевич увидел черный предмет, падающий ему чуть не под ноги, но среагировать не успел. В ночной темноте вспышка ослепила его. В глазах сыщика жахнуло, что-то ударило в голову, и он рухнул на землю.

Удар был сильным, но сознания Лыков не потерял. Он лежал оглушенный и пытался понять: живой? мертвый? покалеченный? Тут его стали трясти за плечо. Оказалось, это Азвестопуло. Он что-то кричал, только звуков Алексей Николаевич не слышал. Сергей прижимал руку к щеке, вид у него был ошарашенный.

– Что? – спросил наконец шеф.

– Вы как?

– Не знаю еще.

Коллежский асессор помог шефу сесть. Тот ощупал себя: вроде целый.

– Что у тебя со щекой?

– Обожгло, кажется. Крови нет...

Слух постепенно возвращался, и скоро Лыков разобрал, что в доме идет густая стрельба. Кто-то ревел как зверь, звенело и сыпалось на двор разбитое стекло. Потом прямо из окна третьего этажа выпрыгнул человек. Ловко приземлился на ноги и метнулся к воротам. Там стоял городской, он вынул шашку и принял угрожающую позу. Незнакомый кинулся к забору. У департаментских не было сил подняться, они лишь молча наблюдали. Вдруг из-за угла появился дворник, он вцепился бандиту в ноги, сдернул его с забора и повалил с криком:

– Врешь, анцибал, не уйдешь!

Борющиеся катались по земле рядом с полицейскими. Те оцепенело продолжали смотреть. Городовой от ворот сунулся было на помощь, но сбоку послышались выстрелы, и он побежал туда. А бандит тем временем начал одолевать дворника. Он вывернулся, подмял его под себя и стал мутузить наотмашь. Тут Лыков не выдержал, изловчился и, не вставая, сильно двинул злодею в ухо кулаком. Противник повалился на бок. Дворник, охая, поднялся. Наклонился, посмотрел на поверженного врага и сказал сыщику:

– Благодарствуйте, вашество. Ай, хорошо угостили – без чувствов лежит-с.

Он подал сыщикам руку и помог укрепиться на ногах. К этому времени стрельба прекратилась, во двор начали выводить задержанных. Петровский стоял у двери и громко считал:

– Первый... второй... третий...

Так он дошел до шести. Лыков спохватился:

– Леонид Константинович, их восемь было. Седьмой вон распластался. А где последний? Пускай в комнатах поищут.

– Обыскали уже, Алексей Николаевич, – ответил начальник Летучего отряда. – Нету больше никого. Семеро попались. Включая того, который распластался. Кто его, дворник? У вас вид уж больно помятый.

– Они сами его-с, – ответил бородач, прилаживая оторвавшуюся бляху. – С душой приложили-с. Уж начал гад меня пригибать. Годы, годы... Разве ж раньше я бы поддался?

Статский советник постепенно приходил в себя. Наконец он оторвал руку помощника от щеки, деловито осмотрел его лицо и констатировал:

– Жить будешь. Обожгло, но не сильно.

Азвестопуло повеселел, а шеф спросил:

– Как же мы с тобой уцелели? Гляди, пятно в сажени от нас.

В самом деле, в свете луны была видна почерневшая от взрыва земля.

– Ты же Серега Сапер. Поясни.

Сергей в бытность свою «демоном»[9 - «Демон» – легендированный агент полиции, внедренный в преступную среду.] выдавал себя за бомбиста, для чего изучил взрывное дело. Теперь он уверенно заявил:

– Бомба была безоболочная.

– Какая-какая? – хором спросили Лыков, Петровский и подошедший ротмистр Вуич.

– Без оболочки, то есть не дала поражающих элементов, осколков. Поэтому нас контузило, но не убило.

– Повезло, – крикнул жандарм. – Профурсили ребята все элементы.

– Не уверен, – возразил грек. – Анархисты – люди решительные, гвоздей насыпали бы, не пожалели. Или гаек, все едино. А тут вон как. Думаю, тот, кто кинул заряд, не хотел нас убивать. Только напугать, вывести на время из игры.

Алексей Николаевич спохватился:

– Кого не хватает? Главаря?

Он выдернул из шеренги лохматого парня в кубовой рубахе:

– Где Жукевич? Это атаман ваш бомбу в нас кинул?

– Бомба у него была, у Студента, – подтвердил арестованный.

– Наделал грохоту и удрал под шумок, – сообразил Петровский. – Ну ловкач! Своих бросил под наши пули, а сам...

– Кстати о пулях, – спохватился статский советник. – Пока мы валялись...

– Вы о потерях? Их, слава богу, нет. У меня одного чиркнуло по рукаву, и у охранной команды человеку плечо оцарапало. Но ерунда, все целы.

– И анархисты целы, постреляли для вида и сдались, – подхватил Вуич. – Я же говорю: повезло. Никто ни в кого не попал...

Опасное задержание превратилось в фарс. Стороны повоевали немного для очистки совести и, не понеся потерь, заключили перемирие. И лишь два командированных чиновника Департамента полиции, без которых вполне можно было обойтись, получили контузию.

В два часа ночи Лыков и Азвестопуло ввалились в дежурный покой Городской Выборгской больницы, что на Большом Сампсониевском проспекте, и потребовали доктора. Явился заспанный эскулап. Он был, как тогда говорили, «с юго-западным лицом»[10 - Еврейской наружности.]. Внимательно осмотрев полицейских, доктор выписал Сергею мазь, а его начальнику капли в ухо. Сказал при этом:

– Кажется, вам можно идти в вашу православную церковь и ставить свечки. Угадал?

– Наверде того, – уклонился от прямого ответа коллежский ассессор.

– Щека скоро заживет. А вот ухо не запускайте, иначе есть опасность оглохнуть, – обратился доктор к Лыкову. – Хорошо бы вам полежать под наблюдением врача.

– Пишите перевязочное свидетельство. На обоих.

– Вашему молодому коллеге тоже? Э-э... там легкий ожог...

– Пишите. Что, вам бумаги жалко? А ему наградные дадут.

– Понял, – весело ответил врач и накатыл два перевязочных свидетельства. У статского советника он констатировал сильную контузию с повреждением барабанной перепонки, а у коллежского асессора – поранение лицевых тканей.

Алексей Николаевич пришел домой и попал на допрос к жене. Она сварливо выясняла, за каким лядом чин пятого класса поперся на задержание. Потом соорудила мужу компресс и обозвала контуженным придурком...

На другой день Лыков, не с самого утра, показался на глаза директору. Белецкий уже знал, что поручение министра оказать содействие градоначальству выполнено. И что два чиновника едва не поплатились за это жизнью.

– Так, говорите, бомба была без-обо-лоч-ная? – по слогам выговорил директор.

– Азвестопуло так сформулировал, ему виднее. Я в свое время посылал его на курсы в школу стрельбы[11 - Офицерская артиллерийская школа стрельбы – военно-учебное заведение русской армии.].

– Хе-хе... Их там было восемь человек?

– Точно так, Степан Петрович.

– И один сбежал, а именно главарь? Пока вы с Азвестопуло выходили из горизонтального положения...

– Увы. Жукевич-Стоша по кличке Студент кинул заряд прямо нам под ноги. Взрыв был такой, что я простился с белым светом. А оказалось, нужны лишь капли в ухо, все остальное цело. Сергею Маноловичу наружность испортили, но тоже заживет. Судя по всему, главарь не собирался убивать, а хотел только напугать. Что ему вполне удалось...

Белецкий глядел на подчиненного с сочувствием:

– Да, кто бы мог предвидеть. В очередной раз Бог отвел. Вам требуется отпуск для лечения?

– Доктор рекомендовал.

– Даю три дня. Министру я уже доложил, что его поручение вами выполнено с риском для жизни. Опаснейшая банда обезврежена. Одного из злодеев вы схватили лично, несмотря на контузию. Так ведь? Так. Вашему помощнику выпишу наградных двадцать пять рублей. Пусть тоже отдохнет... денек-другой. Ступайте, Алексей Николаевич, жду вас в четверг.

Лыков поблагодарил и удалился. Но домой он не пошел, а направился в сыскную. Там его дружески приветствовали коллеги, спрашивали про ухо и пытались подбодрить. Ответив на вопросы, статский советник отобрал у Кренева бумаги про анархистов и углубился в чтение. Он хотел найти Студента и вернуть должок. Напугал, сволоочь, так, что до сих пор ноги будто ватные. Ну, берегись...

Из бумаг охранного отделения и впрямь следовало, что анархистов в России больше нет. Кто же тогда грабил казенные винные лавки в столице? Алексей Николаевич стал делать выписки.

В справке говорилось: после событий 1905–1907 годов главные организации переместились за рубеж. В империи народились новые, которые более походили на шайки уголовных. Лозунги они взяли прежние, а названия сделались совсем уж опереточными. «Кровавая рука», «Лига красного шнура», «Черные вороны», «Мстителы» и тому подобные отряды прославились жестокостью и неразборчивостью. Борьба с правительством вылилась исключительно в экспроприации наличности. А новые бойцы спускали добычу в ресторанах.

Все это давало сыщику надежду, что Студент отыщется. Его образ жизни неизбежно сведет анархиста с простыми уголовниками. И тогда агентура даст сигнал. Жукевич-Стоша остался без подельников. Добычу банда успела разделить, и атаман долго на своей доле не протянет. Деньги кончатся, ничего другого, кроме как грабить, Студент не умеет. Надо только подождать.

Алексей Николаевич улучил момент и проскочил к начальнику сыскной. Филиппов принял коллегу сочувственно и тоже спросил про ухо. Чиновник отмахнулся:

– Да все нормально. Легко мы отделались, ну и слава богу.

Владимир Гаврилович порылся в столе и вынул какие-то жестянки:

– Вот, нашли в той квартире. Лежали под кроватью.

Лыков посмотрел и внутренне содрогнулся. Это была оболочка для бомбы. Одна жестянка, меньшая по диаметру, была вставлена в другую. Зазор между ними был заполнен рублеными гвоздями.

– М-да... Не успел или не захотел?

– Стоша? – уточнил главный сыщик. – Поймаем – узнаем. Что-то еще скажут допросы его ребяташек. Вы с какой целью интересуетесь?

– А с целью поймать, – признался Лыков. – Напугал он меня своей хлопушкой. Обидно!

– И зачем вам его ловить? Оставьте это дело Петербургской сыскной полиции.

Алексей Николаевич протестующе поднял ладони:

– Жукевич-Стоша не столько политический злодей, сколько уголовный. Вы сами мне говорили, что эти две силы смыкаются. И когда они сольются, империя может не выдержать.

– Вы надеетесь еще спасти империю? – невесело ухмыльнулся Филиппов.

– А вы полагаете, что уже поздно?

– Нет, еще не поздно. Однако дело сие неблагоприятное и небезопасное.

Владимир Гаврилович покосился на дверь и продолжил:

– Насчет Распутина слышали? Вот кого в первую очередь надо выкинуть из столицы. А попробуй выкинь! Сам вылетишь в два счета. Наш, с позволения сказать, самодержец пилит сук, на котором сидит, с удивительной настойчивостью...

Лыков кое-что уже знал про «святого старца» и тоже полагал, что таких людей при Дворе быть не должно. Разговоры подобно этому ходили по Петербургу не первый год. Но от Филиппова он слышал такие слова впервые.

– Неужели Распутин настолько влиятелен?

– Более чем, Алексей Николаевич. Имейте это в виду, не ссорьтесь с мерзавцем.

– Да мне нет до него никакого дела. А ему до меня.

– Вот и хорошо, – обрадовался Владимир Гаврилович. – Теперь насчет смычки политических с уголовными. Процесс начался после тысяча девятьсот пятого года, когда тюрьмы набили и теми, и другими. Стороны присмотрелись друг к другу и обнаружили, что у них могут быть общие интересы. Пока сделки единичны. Но что будет завтра? Слышали про моего однофамильца с «Потемкина»?

Лыков кивнул. Дело московских анархистов, которое охранка открыла прошлой зимой, было настолько необычным, что в Департаменте полиции ему сначала не поверили.

В начале 1911 года осведомитель Московского охранного отделения по кличке Фельдшер был внедрен в группу безмотивников. Эти боевики считались самыми непредсказуемыми. Их извращенные принципы позволяли убить кого угодно, например, за чистый воротничок. Поэтому охранники смотрели за такими революционерами в оба. Фельдшер сообщил, что группа собирается выехать на экс в Кострому. Десять человек с оружием купили билеты в один поезд, но сели в разные вагоны. Полиция решила не доводить дело до крови. Анархистов взяли в Костроме прямо на вокзале. Но главарь, некто Савельев, ушел. И с ним еще парочка боевиков. По счастью, они не поняли причины провала, свалили все на случайность. И вернулись на свои московские явки, где их приняли по первому разряду. Обыски обнаружили анархистскую литературу, револьверы, боеприпасы, но не подрывные заряды. А было известно, что у группы они имелись.

Фельдшер сидел в одной камере с Савельевым и отследил его записку, посланную из тюрьмы сообщникам. В ней было написано: «Надо убраться в квартире и сор выбросить или оставить на удобрение». Письмо ушло в Брянск,

где его получил торговец по фамилии Малива. А главарь вскоре покончил с собой.

Тут вдруг стал давать откровенные показания некий Иван Филиппов, один из схваченных безмотивников. Начальник МОО Заварзин, опытный розыскной офицер, сумел выяснить его прошлое. Оказалось, Филиппов был матросом с броненосца «Потемкин». И не просто бузил во время бунта, а лично убил трех офицеров. За это ему полагалась виселица. Желая спасти свою шкуру, негодяй пошел на сделку с жандармами.

Для начала он сообщил, что участвовал в налете на дом вдовы-помещицы в Калужской губернии и удушил пожилую хозяйку, дворника и служанку. В налете участвовали еще двое уголовных и маруха по кличке Танька Курносая. Моряк отдал Таньке свою долю богатой добычи и велел спрятаться в Брянске. Теперь он испугался, что после его ареста сообщники прикончат бабу и завладеют долей. Поэтому Ванька сдал поделщиков.

Но Заварзин потребовал от бандита-революционера подробностей и о других его подвигах. Филиппов рассказал, как сошел с броненосца в Румынии и пытался сначала прожить там честным трудом. Но заскучал, сел на торговое судно и приплыл аж во Владивосток, подальше от следователей. Во Владивостоке Ванька организовал собственную банду и за полгода прикончил около десятка человек. Полиция вышла на его след, двоих злодеев арестовали, а остальные уехали в европейскую часть России. Деньги и документы были припасены заранее, и негодяям удалось спрятаться. Сам Филиппов поселился в том же Брянске. Там он случайно познакомился с Савельевым, которому пригодился бы опытный головорез. Анархист позвал палача в свой боевой отряд. Началась новая эпопея, в которой уголовник и патологический убийца действовал бок о бок с борцами за народное счастье...

Ближайший сообщник Ваньки по разбоям на Дальнем Востоке тоже приехал в Брянск. Он жил там под фамилией Малива и держал бондарную мастерскую. В город прибыли четыре опытных филера МОО, поселились поблизости и стали наблюдать за бондарем.

Старший из агентов быстро сошелся с Маливой, став его постоянным собутыльником в соседнем трактире. Подельник крепко выпивал, но держался настороже и о прошлом не говорил. Утверждал, что много лет не выезжал из Брянска, торгует бочками, то да се... Однако агент заметил у него на руке

татуировку в виде дракона, какие делали моряки, плававшие в китайских водах. А сплевывал Малива тоже по-особенному: далеко в сторону, по-матросски.

Через неделю филеры проследили, как в трактир к Маливе пришла молодая женщина со вздернутым носом и передала ему узел с вещами. Танька Курносая! Охранники выяснили ее адрес. Затем старший агент «открылся» бондарю, что он беглый солдат, приятель Филиппова, именно тот послал его в Брянск и дал пароль. Малива лишь усмехнулся и ничего не ответил. Дознание застопорилось. Заварзин подождал день-другой и велел взять бондаря, его жену и Таньку.

Тут жандармов ждало разочарование. Обыск в жилищах не дал никаких улик. А задержанные на допросах от всего отреклись. Тайник с бомбами обнаружить не удалось, опасность, что они будут использованы в другом месте, оставалась высокой.

Выручил жандармов полицейский пес по кличке Треф. Любимец газетчиков, он раскрыл немало преступлений. Розыскную собаку высочайшего уровня подготовил околоточный надзиратель московской полиции Дмитриев. Он и приехал в Брянск вместе со своим питомцем. Треф сначала не сумел найти тайник ни в доме бондаря, ни в огороде. Но старший филер вспомнил, что, когда он в последний раз выпивал с Маливой, заметил у того под ногтями землю. Не иначе, бандит что-то рыл. Трефа опять пустили в огород, и он не сразу, но вынюхал закладку. На глубине два аршина охранники обнаружили просмоленный бочонок. А в нем – взрывчатку, волчью картечь для поражающих элементов, капсули, корпуса бомб. И тот самый узел, который отдала хозяину Танька Курносая. В узле обнаружили двести номеров журнала «Буревестник», органа печати анархистов.

На дне бочонка лежали паспорта на фамилии Купченко и Шестовой. Оказалось, что бондарь на самом деле известный во Владивостоке бандит Петр Купченко. Беглый матрос Тихоокеанского флота убил священника, попал в тюрьму, из которой сбежал и примкнул к банде Филиппова. А его жена, Шестова – не менее знаменитая воровка и скупщица краденого.

Вторично Треф отличился при обыске в доме Курносой. Он смог учуять в подвале под чаном с грязным бельем тайник. А в нем лежали те самые ценности, которые Филиппов взял при налете на дом помещицы.

По итогам брянского дознания по всей России было арестовано тридцать пять анархистов-безмотивников, найдено четыре тайника с бомбами и оружием. Предатель Филиппов, за которым числилось одиннадцать убийств, получил вместо виселицы бессрочную каторгу. Жуткий союз бандитов с революционерами ошарашил полицию, но отнюдь не вождей анархизма. Похоже, страну ждала новая эра, когда возможно все...

Владимир Гаврилович со вздохом раскрыл какой-то журнал и сказал коллеге:

– Тут статья главаря большевистских социал-демократов Ульянова. Старая, правда – от тысяча девятьсот шестого года. Но поражающе откровенная. Называется «Партизанская война». Не читали?

– Нет, – ответил Лыков, и на душе у него заскребли кошки. – Сильно прикладывает этот Ульянов?

– А вот послушайте.

И начальник ПСП зачитал длинную цитату:

– «Интересующее нас явление есть вооруженная борьба. Ведут ее отдельные лица и небольшие группы лиц. Частью они принадлежат к революционным организациям, частью (в некоторых местностях России большей частью) нет... Вооруженная борьба преследует две различные цели, которые необходимо строго отличать одну от другой; именно, борьба эта направлена, во-первых, на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и у частных лиц». Чуете, Алексей Николаевич? Ему все равно, у кого отнимать деньги. Продолжаю: «Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу». Я бы сказал, что последнее встречается у них сплошь и рядом... Далее Ульянов пишет: «Крупные экспроприации (кавказская в двести с лишним тысяч, московская восемьсот семьдесят пять тысяч рублей) шли именно на революционные партии в первую голову. Мелкие идут прежде всего, а иногда и всецело на содержание “экспроприаторов”... Обычная оценка рассматриваемой борьбы сводится к следующему: это анархизм, бланкизм, старый террор, действия оторванных от масс одиночек, деморализующие рабочих, отталкивающие от них широкие круги

населения, дезорганизирующие движение, вредящие революции. Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят?» Вот еще фраза: «Утверждают: партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, босякам. Это верно». Каково? Но это еще не самое страшное в статье, Алексей Николаевич. Сейчас будет место много хуже: «Считать аномальной или деморализующей гражданскую войну или партизанскую войну, как одну из ее форм, марксист не может. Марксист стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира. В известные периоды острых экономических и политических кризисов классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны, то есть вооруженной борьбы между двумя частями народа. В такие периоды марксист должен стоять на точке зрения гражданской войны. Всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма». Уф...

Филиппов отложил журнал и уставился ословелым взглядом на собеседника:

– Вы поняли? Гражданская война – это когда одна часть народа убивает другую. И осуждение ее недопустимо. Марксист должен радоваться такому обороту и приближать его! Куда же нас ведут подобные ульяновы? И куда приведут? Тьфу. Страшно даже думать об этом.

Лыков, как мог, успокоил товарища насчет социал-демократов (авось еще не победят) и отправился домой. Контузия давала о себе знать. В ухе стреляло, голова разболелась. Он закапал лекарство, выпил чаю со смородиновым листом и лег вздремнуть.

Алексей Николаевич не показывался на службе до четверга, в рамках дозволенного начальством. Когда он появился на Фонтанке, его тут же вызвали к Белецкому.

Директор снова выглядел сконфуженно. Настолько, что сыщик почувствовал недоброе:

– Опять? Что на этот раз?

– Вам предстоит командировка в Верхнеудинск, – развел руками действительный статский советник.

– Мм... А позвольте узнать, зачем?

– Распоряжение министра. Вот, ознакомьтесь с перепиской и резолюцией его превосходительства.

Лыков взял пачку отношений и отправился в свой кабинет. Там сидел Азвестопуло с перевязанной щекой.

– Разве еще не зажило? – удивился шеф.

– Да это я так... чтобы сочувствовали... А то народ у нас злой: как узнают про наградные, завистью изойдут. До конца недели похожу с тряпочкой. А вы чего такой невеселый?

Алексей Николаевич отмахнулся и разложил бумаги. Это оказалась переписка между МВД и иркутским генерал-губернатором по вопросу учреждения в Верхнеудинске городского управления полиции.

Вопрос этот был Лыкову давно известен. Лет сорок назад, когда главная торговля с Китаем шла через Кяхту, большое значение имел приграничный город Троицкосавск. Но с развитием железнодорожного сообщения он утратил свою роль. Транссибирская магистраль и КВЖД забрали себе почти всю перевозку. Верхне-удинск, через который прошли рельсы, сделался важным складочно-перевалочным местом. Однако в нем не имелось собственного полицейского управления, только уездное. А Троицкосавск по старой памяти имел собственную полицию, хотя нужды в ней уже не было. Иркутские власти давно бомбили Петербург просьбами: в угасающем городке управление закрыть, а его штаты перевести к нуждающимся соседям. Простой, казалось бы, вопрос встретил сильное противодействие в Министерстве финансов. Генерал-губернатор полагал, что перевод штатов следует дополнить усилением содержания полицейских. Забайкалье – старый каторжный район, служба там трудна и опасна. А жалованье чинам правопорядка не повышали уже полвека. Тут бы и поощрить людей... Но премьер-министр Коковцов, оставивший за собой Министерство финансов, был верен себе. Никому ничего не добавлять! Ни армии, ни полиции, ни земству – обойдутся и так.

Кроме того, перекидывание штатов, хоть и между уездами одной губернии, требовало согласия Государственной думы. Здесь иркутяне встретили второе препятствие. Депутаты любили в пику правительству зарубить даже разумные законы. И проект крепко застрял в комиссиях.

Лыкову, да и любому компетентному человеку, было ясно, что вопрос об учреждении Верхнеудинского городского полицейского управления вязкий и трудный. В ближайшее время его было не разрешить. Тем не менее Макаров синим карандашом наложил на последнее отношение Князева[12 - Князев Леонид Михайлович – иркутский генерал-губернатор.] резолюцию: «Командировать в Верхнеудинск с.с.[13 - С.с. – статский советник.] Лыкова для подготовки мнения министерства». Вот скотина! Нарочно послал неугодного чиновника к черту на кулички, с заведомо бессмысленным поручением. И ничего не поделаешь...

Азвестопуло заметил гримасы шефа, зашел ему за спину и стал читать бумагу. Потом сказал:

– Возьмите меня с собой! Там на одних прогонах сотни две срубишь.

– Командировка длинная, а у тебя Мария на сносях, – возразил Лыков. – Как ты от нее уедешь?

Но грек уперся. Он любил кататься со своим богатым начальником в командировки. Тот всегда брал на себя содержание помощника, селил его в хороших гостиницах, кормил и поил за свой счет. И коллежский асессор возвращался домой с толстым бумажником. Он ездил по лыковскому бесплатному годовому билету[14 - В Департаменте полиции имелись бесплатные годовые железнодорожные билеты для служебных нужд.], а прогонные целиком забирал себе. Сергей принялся канючить. Пришлось объяснять ему, что никто резолюцию министра подправлять не будет. Велено ехать Лыкову, он и отправится за тридевять земель. А другие останутся в столице.

Два дня ушло у Алексея Николаевича на сборы. Ольга Дмитриевна напекла ему пирожков на первое время, уложила коробку с ушными каплями. До Верхнеудинска больше шести тысяч верст. Никаких пирогов не напасешься, придется питаться в вагоне-ресторане. Эх...

В понедельник, 31 июля, Лыков сел в вагон и отправился на восток.

Глава 2

Вокруг Байкала

Алексей Николаевич сошел на станции Верхнеудинск и осмотрелся. В дороге он провел ровно неделю, и поезд порядком ему надоел. Хотелось размять ноги, ощутить под собой твердую почву. И отведать чего-нибудь помимо битков из курятины, которыми буфетчик экспресса явно злоупотреблял.

6 августа являлось непростительным днем по случаю рождения наследника цесаревича, тезки сыщика. Командированный был этому рад. Он хотел денек пожить в городке инкогнито, не представляясь властям. Поручение министра высосано из пальца. Лыков проехал мимо Иркутска сознательно: объясняться с генерал-губернатором Князевым у него не было никакого желания. Ровно поэтому же не поехал сыщик и в Читу, столицу Забайкальской области, уездным городом которой являлся Верхнеудинск. Тамошний губернатор генерал-майор Кияшко всего четыре месяца как в должности. Поди еще принимает дела. Отнимать у него время макаровскими глупостями значило унижаться безо всякой пользы. И столичный гость решил нарушить субординацию. Отбыть номер, собрать за пару дней мнение здешних администраторов и лишь после этого заскочить в Читу. Там поговорить с Кияшко, уже будучи знакомым с вопросом, получить его визу и – домой. За Байкалом на ритуальные расшаркивания смотрят проще, и можно поберечь время и нервы.

Алексей Николаевич поселился в номерах «Пекин» на Лосевской улице, прельстившись тем, что у них имелась собственная баня. Он помылся, побрился, отобедал как следует и еще успел погулять по окрестностям. Верхнеудинск стоял на слиянии Уды и Селенги, во впадине меж невысоких гор. Селенга – крупнейшая из рек, впадающих в Байкал. В казачью Заудинскую слободу командированный не пошел: там нечего смотреть, кроме двух храмов. Он прошвырнулся по более чистой городской части, осмотрел торговые ряды, Одигитриевский собор, католический костел и лучшие улицы: Большую Николаевскую, Читинскую, Базарную. Сыщик обнаружил в скромном городке даже триумфальную арку. Надпись гласила, что она возведена по случаю

проезда через Верхнеудинск в 1891 году цесаревича, нынешнего императора Николая Второго.

Отужинал гость, по совету владельца номеров, в вокзальном буфете. После чего завалился спать, наслаждаясь покоем. Колеса не стучат, постель не трясется на стыках и не храпит сосед – как хорошо...

Утром Лыков надел мундир со старшими орденами и пошел представляться начальнику уезда. Надворный советник Кармазин был удивлен появлением высокого чина из самого Петербурга и поначалу воспринял его визит всерьез. Он разложил на столе выкладки и стал доказывать преимущества переноса к ним штатов из Троицкосавска.

– Вот глядите! Сегодня в Верхнеудинске проживает примерно семнадцать тысяч человек. В моем подчинении всего сорок городских: восемь старших и тридцать два младших. Околоточных нет. Имеются три надзирателя, которые выполняют роль участковых приставов. Город разделен на три участка, сейчас собираемся завести четвертый. Очень быстро растем, знаете ли...

– Переселенцы? – сообразил командированный.

– Да, их много приехало в последние два-три года. И часть осела здесь, не хочет землю пахать. А тут и без них, знаете ли... Ну, вы уж догадались.

– Забайкальские особенности, – подхватил Лыков. – Все коренные удинцы – потомки либо казаков-первопроходцев, либо ссыльно-каторжных. Вы это хотели сказать?

– Именно так, Алексей Николаевич. Вижу, вы человек осведомленный?

– Бывал в ваших краях прежде, имею некоторые понятия. Тут еще «сахала»[15 - «Сахала» – криминальная публика, переехавшая после потери Сахалина в Приморье и Забайкалье: ссыльнопоселенцы, скупщики краденого, тайные винокуры и т. п.] заявила...

Начальник уезда кивнул:

– Все так. Народ буйный, законы соблюдать непривычен. Туземцы – буряты и тунгусы – скрывают от властей свои обычаи и о преступлениях тоже молчат. Работы и средств для пропитания мало, потому воровство и разбой процветают. И что тут сделают сорок городских? То-то... А в Троицкосавске тишь да благодать – и целый штат бездельников. Отдайте его мне!

– Коковцов – не государственного ума человек, – сердито заявил питерец. – Он объявил себя часовым у денежного ящика и видит свое предназначение в том, чтобы пореже этот ящик открывать. А страна топчется на месте. Скоро война с германцами, у нас не хватает оружия и боезапасов. Полиция получает нищенское жалованье, даже в столицах много незанятых вакансий городских. Флот едва живой, никак не оправится от Цусимы. Поэтому задача ваша трудная.

– Так ведь без увеличения штатов! – вскричал надворный советник. – Из одного кармана в другой переложить!

– А генерал-губернатор хочет одновременно добавить вам оклады. Тут и есть камень преткновения.

– Как же его перешагнуть? Алексей Николаевич, научите.

– Давайте кумекать...

Лыков вздохнул. Ему не нравилась роль обманщика. Сказать коллеге прямо, что его желание невыполнимо, а командированный приехал за шесть тысяч верст из-за глупого каприза министра? Тоже не годится.

– Надо аргументированно доказать, что криминальная обстановка в уезде и в области в целом требует усиления полиции. Сколько у вас убийств выходит в среднем за год?

– Сейчас их количество несколько уменьшилось, – зашелестел бумагами Кармазин. – В девятьсот пятом начался всплеск, сами помните. Сорок шесть мертвяков в уезде и шестнадцать в самом Верхнеудинске. На следующий год еще хлеще: пятьдесят одно убийство в уезде! Плюс двадцать три в городе, итого семьдесят четыре.

– Ого! У вас почти как в Иркутске. Там даже днем грабят и режут.

– У нас тоже случается, – не без гордости заявил начальник уезда. – Ту волну мы сбили, о прошлом годе тридцать восемь смертельных случаев всего. Но, согласитесь, тоже многовато. А в Троицкосавске семь. Ихний полицмейстер в носу ковыряет, а мы здесь с ног сбиваемся. Отдайте его штат мне!

Лыков несколько ободрился:

– Приложите мне эти цифры в сравнении за последние пять лет. Что у них и что у вас по тяжким преступлениям. Я вставлю их в отчет министру.

– К вечеру будут, – даже привстал надворный советник. – А пока позвольте угостить вас ухой из байкальского осетра.

– Охотно, – тоже поднялся статский.

Они вышли в приемную, где уже толпилось человек двадцать. Начальник уезда зычно объявил:

– Сегодня приема не будет, у меня ревизор из самого Петербурга! Или к помощнику, или завтра.

Просители быстро разошлись, только два купца бесцеремонно увели Кармазина обратно в кабинет и минут пять с ним толковали. Но тот вышел довольный и что-то запихивал в карман.

– Ну, к осетрам!

Надворный советник приказал столоначальнику управления подготовить нужную питерцу справку. А потом отправился с гостем в малоприметный дом на Мокрослободской улице. Оказалось, что там находится лучший в городе бордель Малки Молдовар, в котором для услуг имелись даже японки. Алексей Николаевич, когда понял, куда его заманили, обратился в бегство. Он попросил уездного начальника просто накормить его, а потом дать провожатого, чтобы показал ему Верхнеудинск. Когда еще сюда попадешь... Кармазина отказ не смутил. В результате два полицейских чина вкусно отобедали, несмотря на

ранний час. Трактир Голышева на Приютской блеснул хорошей ухой. До Байкала всего сто верст, осетры свежие, водка холодная...

Выйдя после чревоугодия на крыльцо, Лыков увидел высокого мужчину в партикулярном. Он молча вытянулся перед Кармазиным. Тот гостеприимно заявил питерцу:

– Отдаю вам лучшего надзирателя верхнеудинской полиции Борениуса. До вечера он ваш чичерон. К семи часам жду в управлении, бумаги уже будут готовы, ну и отужинаем заодно. Какую кухню больше любите, бурятскую или китайскую?

– Давайте китайскую.

– Уговорились. Честь имею!

Начальник ушел, а надзиратель остался и глядел на Лыкова выжидательно:

– Жду приказаний вашего высокородия. Что желаете посмотреть в нашем городе?

– Мое высокородие зовут Алексей Николаевич. А вас как величать?

– Георгий Васильевич.

– Давайте прогуляемся по набережной, где я еще не был.

– Да там у нас неприглядно: лесные склады да тюремный замок, – смутился надзиратель.

– На реке всегда красиво. А потом кофею попьем. Есть у вас кофейня?

– Даже две!

– Отлично, ведите. И расскажите заодно про криминальную обстановку в городе и уезде.

Они отправились на неспешную прогулку. Борениус оказался на удивление толковым и быстро преодолел застенчивость перед чином пятого класса. То, что он сообщил гостю, было предсказуемо, но полезно.

Надзиратель напомнил, что Верхнеудинск – «ворота в Даурию». Он стоит в удобном месте, на пересечении судоходной Селенги, Сибирской железной дороги и тракта на Кяхту. То есть там, где сходятся главные торговые пути, связывающие европейскую Россию с Китаем и Дальним Востоком. Хотя обороты здешней ярмарки и падают с каждым годом, но они все еще велики.

Административным центром Забайкалья является Чита, а здесь центр коммерческий. Однако это палка о двух концах. То же географическое положение бьет по городу в полицейском отношении. На востоке – Нерчинский каторжный район с тысячами арестантов. На западе, по ту сторону Байкала, – ссыльные места. Из Китая лезут контрабандисты. Беглые терроризируют население. Золотые прииски наполнены темным людом. Иностранцы – закрытый мир, никогда не скажут начальству правды. В таких условиях служить трудно.

– Помните главный принцип государственной политики на Востоке?

– Главный? – задумался гость. – Пожалуй, такой: смотря по местным условиям.

– Верно! – обрадовался надзиратель. – Из Петербурга управлять бесполезно. У вас там свой аршин, а у нас иной. И вам виднее, как здесь жить. Так что... штаты из Троицкосавска надо бы перевести...

Лыков рассмеялся, но Борениус оставался серьезным:

– Вот вы знаете, к примеру, сколько сейчас в нашем уезде ссыльных?

– Тысячи три? – предположил наугад статский советник.

– Если бы. Почти восемь тысяч! А сколько из них действительно находятся под надзором? Всего полторы.

Алексей Николаевич даже остановился:

– Полторы? А где же остальные?

- А черт их знает. В безвестной отлучке.
- Шесть тысяч пятьсот уголовных находятся у вас в безвестной отлучке?
- Ну, и уголовных, и политических, – поправил питерца забайкалец.
- Куда же вы смотрите? Восемь ссыльных из десяти – в бегах!
- В бегах не все. Основная часть ушла на заработки и к осени вернется. А справку взять у станового им лень. Но ваша правда, много и настоящих беглых. А нас всего сорок человек.

За такими разговорами они дошли до слияния Уды с Селенгой, полюбовались на живописные виды. Притомившийся Лыков запросился в кофейню. Лучшая находилась возле синагоги, и держал ее, конечно, варшавский еврей. За кофе сыщик спросил, пристально глядя на собеседника:

- Георгий Васильевич, что вы недоговариваете?
- В каком смысле?
- Я же вижу, не слепой: что-то вас гложет. И никак не решитесь. Валяйте, говорите, в чем дело.
- Настолько заметно? – смутился надзиратель. – Да, есть трудная для меня просьба. Не знаю, как начать...
- А прямо с сути и начните, – посоветовал Лыков как можно доброжелательнее.
- Хм. Алексей Николаевич, вы от нас в Читу поедете?
- Да. Нужно согласовать предложения начальника уезда с губернатором.
- А потом в Иркутск?
- Точно так. Потребуется виза генерал-губернатора. И уже оттуда – в Петербург.

Борениус чуть не взмолился:

– А нельзя сразу от нас в Иркутск? И чтобы меня взять с собой?

– У вас там дела?

– Эх! – лицо надзирателя перекосилось. – Сроду бы не иметь таких дел. Тесть у меня пропал. Он извозом занимается, вот и уехал в Иркутск лошадей покупать, а еще сбрую и извозчий приклад. Там все дешевле, опять же лошади лучше. Уехал – и куда-то подевался. Пятый день нет от него известий. Тесть мой – человек трезвого поведения, не шаромыжник. На него не похоже. Завсегда он высылал домой телеграмму: так и так, закончил покупки, встречайте с поезда во столько-то часов. А тут молчок, хотя давно ему полагалось бы вернуться. Там, может, слышали, что за порядки? Кутаисцы, рвань, среди бела дня зарежут. А тесть денег с собой взял восемьсот рублей. Боюсь я, что случилась с ним беда. Жена сама не своя.

– Вы телеграфируйте в их полицейское управление, пусть откроют дознание, – посоветовал Алексей Николаевич.

– Уже сделал. Но что толку? У нас, если самому не толкать, то никто пальцем о палец не ударит. Да еще для незнакомого человека...

– А что вы хотите от меня?

– Помощи. Статский советник из Департамента полиции! Да по одному вашему слову весь город на уши поставят. И я бы при вас... подсобил бы в дознании... А?

Лыков задумался. Надо поддержать, ясное дело. Вся эта командировка бессмысленна от начала до конца. Личная и недостойная месть Макарова. А тут живое дело. В Иркутске исчезнуть приезжему с большими деньгами ничего не стоит.

– Я знал тамошний кадр полицейского управления, – сказал он. – Правда, это было два года назад. Сейчас уже нет Бойчевского на должности полицмейстера, нет и Аулина в качестве начальника сыскного отделения. Люди поменялись. Но вы правы, помочь в розыске я бы мог. Однако как быть с бумагами? Нужны визы

из Читы.

Борениус воодушевился:

– А к нам завтра приезжает Измайлов, вице-губернатор Забайкальской области. Утром, к семи часам. Объезд делает. Вот он вам и подпишет.

– Но не возит же он с собой печать областного правления...

– Возит. Ему тут надо закрыть акт ревизии казначейства. А оно с нами вместе сидит: мы на втором этаже, казначейство на первом. Ну все один к одному!

Лыков отодвинул чашку и встал:

– Идемте к начальнику уезда. Буду просить, чтобы помог с подписью вице-губернатора, а потом отпустил вас со мной в Иркутск.

– Вот спасибо! А то на жену сил нет смотреть, как она волнуется...

В результате сутки спустя Лыков с Борениусом уже ехали в Иркутск. Надзиратель получил отпуск на четыре дня по семейным обстоятельствам. Кармазин посочувствовал Георгию Васильевичу, но больше дать не смог. Вот-вот с Тихого океана придут циклоны, в Забайкалье начнется сезон дождей. Контрабандисты форсируются, спешат побольше завезти товара, пока в тайге можно проехать. И у полиции начинаются горячие деньки...

В поезде сыщик расспросил своего спутника о тесте и выяснил важные подробности. Оказалось, что он был не один. Извозопромышленник взял с собой товарища. Тот тоже хотел купить лошадей, а вдвоем ехать сподручнее. В итоге пропали оба.

– Где они остановились?

Борениус развел руками:

– Не знаю.

– Имя продавца не звучало?

– Нет. Там имеется конный рынок...

– А на нем шныряют кутаисцы, – хмуро напомнил Алексей Николаевич. – Им только покажи банкнот, сразу головы лишишься.

Он говорил со знанием дела. Два года назад Лыков провел в Иркутске несколько полных опасностей недель. Он разыскивал «номера для беглых», которые были спрятаны в тайге[16 - См. книгу «Столица беглых»]. В ходе дознания питерец выяснил, что преступным миром города правит Нико – бывший ссыльный из кутаисцев Николай Ононашвили. Осев в Иркутске в конце прошлого века, он создал этническую преступную организацию. Основу ее составляли уголовники, сосланные в Сибирь из Грузии. Их скопилось больше сотни, и они захватили власть в криминальной среде. Полиция была бессильна против бандитов. Русских туда допускали лишь на вторые роли. Ононашвили окружил себя адъютантами из соплеменников, сам преступлений не совершал и был для закона недосыгаем. А его абреки слушались только главаря, за измену беспощадно убивали, и доносить на Нико желающих не находилось.

За кутаисцами наблюдали жандармы, хотя формально это было не их дело. Именно из охранного отделения Лыков получил сведения о грабительской организации сибирских кавказцев. Люди Ононашвили скупали лавки, пивные, трактиры и гостиницы по всему городу. В них обитали банды головорезов. Безжалостные, готовые убивать за копейку кавказцы терроризировали «столицу Сибири». Если пропали два купца, привезшие с собой значительные денежные суммы, почти наверняка к этому приложили руку боевики Нико.

Алексей Николаевич кратко рассказал своему спутнику, что творилось в Иркутске два года назад. И подытожил, что с той поры ничего не изменилось. Надо приложить все силы, конечно. Однако следует смотреть правде в глаза: шансов найти извозопромышленников живыми немного. А отыскать их убийц – еще меньше.

Через сутки двое полицейских, питерский и забайкальский, поселились в номерах «Купеческое подворье». Статский советник оставил спутника на

полдня, чтобы дооформить бумаги по командировке. Он сразу отправился в Белый дом к генерал-губернатору Князеву. Лыков был знаком с ним, еще когда Леонид Михайлович служил курляндским губернатором. Сейчас дела Князева шли неважно – он был замаран «Ленским расстрелом». Хотя лично тайный советник приказа лить кровь не отдавал, но несчастье случилось на вверенной ему территории. И тень падала на администратора... А тут еще казус: будучи человеком партикулярным (тайный советник в звании егермейстера), Князев занимал должность генерал-губернатора. И стало быть, командовал военными. Странное решение государя...

В Белом доме питерец проторчал до вечера. Князев сначала был занят, потом долго выпытывал у гостя, нет ли у того секретных поручений – все наместники опасаются этого. Лыкову пришлось рассказать историю своих взаимоотношений с министром. Лишь тогда Леонид Михайлович завизировал отчет и отпустил командированного.

Алексей Николаевич явился в лучшую в городе гостиницу «Деко», что на Большой улице, и отобедал. У него уже имелся план действий. За минувшие два года сменился весь руководящий состав в губернии. Не только полицмейстер с начальником сыскного отделения ушли со своих должностей, но и губернатор с вице-губернатором. Стало быть, идти по верхам смысла нет – сыщика там никто не знает. А вот внизу, у земли, легче найти знакомцев. Там люди держатся за должности, и высотные бури их мало задевают. Значит, надо заглянуть в сыскную часть. Кто-то из прежних надзирателей наверняка остался. Они и помогут питерцу по старой памяти.

Выйдя из ресторана, Алексей Николаевич не удержался и прогулялся мимо памятного ему дома на углу Большой и Шестой Солдатской улиц. Здесь раньше жила красивая полька Ядвига Космозерская, с которой у питерца случился короткий и бурный роман. Интересно, здесь ли еще паненка? И есть ли при ней новый ухажер? Сыщик поколебался секунду и решил пройти мимо. Нельзя дважды в одну и ту же реку...

Напротив гостиницы «Централь» Алексей Николаевич поймал извозчика и велел отвезти его на Луговую, в городское полицейское управление. Сыскари сидели на первом этаже и имели отдельный вход. Недолго думая, Лыков открыл дверь с улицы и сразу же увидел знакомое лицо. У окна стоял надзиратель Франчук, с которым два года назад питерец тесно работал. Франчук тоже узнал Лыкова и раскрыл рот от удивления.

Статский советник пальцем поманил надзирателя и сразу же пошел на угол. Через минуту тот его догнал:

– Господин Лыков! Ваше высокоблагородие, как вы здесь оказались?

– Здравствуй, Федор Степанович. Я теперь высокородие.

– Поздравляю. Алексей Николаич, а что с вами приключилось? Я читал в газетах – якобы вас в тюрьму посадили.

– Приговор отменен, я опять на службе, там же, в Департаменте полиции. Здесь в командировке.

– Слава богу! Опять на службе... А уж я переживал. Это... к нам по старой памяти или дело какое есть? И почему меня тайком выманили, а не прошли к начальнику отделения?

– Есть дело, Федор Степанович. Давай выпьем пива и поговорим, а там будет видно.

Сыщики сели в ближайшем заведении, и Лыков начал свой рассказ:

– Я приехал из Верхнеудинска, куда меня послал министр внутренних дел.

– С ревизией?

– Вроде того. А здесь я проездом: поручение выполнил, визу Князева получил и могу возвращаться в Петербург. Но возникло одно неожиданное обстоятельство.

Франчук насторожился:

– По нашей части?

– Именно так. В Верхнеудинске мне помогал тамошний надзиратель уездного полицейского управления Борениус. Толковый, на своем месте. А у него тесть уехал к вам лошадей покупать и пропал.

– Давно пропал?

– Скоро неделя, как нет от него известий. Фамилия – Красовский, извозопромышленник. С ним был товарищ, этому фамилия Угрюмов. Вот оба и сгинули. Имели при себе на двоих полторы тысячи рублей. Смекаешь?

Франчук помотал головой:

– Неделя – это мало. Запили ребята или у баб греются, домой ехать не спешат.

– Красовский так не мог.

Надзиратель задумался:

– Неделю назад... Родственники телеграмму нам давали?

– Да, через четыре дня.

– Он из Забайкальской области, не наш.

– Ну и что? – уперся Лыков. – Если не ваш, то и искать не надо? Телеграмму начальник уезда подписал.

– Да хоть сам губернатор – у нас на такие депеши никто внимания не обращает, своих дел невпроворот.

– Я хочу помочь Борениусу, – с нажимом сказал Лыков.

– Но как? Официального поручения у вас в Иркутске нет.

Алексей Николаевич вынул из кармана империал, поставил на ребро и закрутил волчком:

– Это тебе, чтобы быстрее думал.

Франчук мигом спроворил золотой в карман, и лицо его сразу подобрело:

– Ну, другой разговор. Ежели вы, к примеру, скажете полицмейстеру, что имеете негласное поручение от Белецкого посмотреть работу полиции... Он со страху тут же падет ниц.

– А кто теперь полицмейстером?

– Павел Николаевич Варушкин, коллежский ассессор.

– Давно он на должности?

– И года нет.

Алексей Николаевич записал в блокнот и продолжил расспросы:

– А кто теперь вместо Аулина?

– Начальником сыскного отделения сейчас титулярный советник Андреев Михаил Павлович. Но его скоро сменят на Романова.

– Почему? Не тянет воз?

Франчук приосанился:

– Еще как тянет! Смелый, лихой. Под пулями сколько раз бывал и не терялся. В мае лично задержал известного разбойника Каминского. Тот в него лупил в упор из двух револьверов, а наш шел напролом. Дошел и скрутил. А в январе? Другого скуловорота, Чубатова, на Русиновской улице повязал, пока мы у дверей замешкались. Тот весь был оружием обвешан, а глазом моргнуть не успел. Нет, Михаил Павлович – человек что надо.

– Отчего же тогда его меняют?

– Уходить надумал. Почему и куда – молчит. Замену ему нашли, это Романов, сейчас он заведует резервом конных стражников и пеших городских. Вроде

ничего... Но Андреева жалко, он прирожденный сыщик.

– А как у вас тут вообще обстановка? Два года назад была хуже некуда.

У Франчука дернулся подбородок:

– А теперь еще хлеще. В январе месяце мне плечо прострелили, а надзирателю Харитонову – ногу. Беглые каторжники чуть не толпами бродят по улицам. Кавказцы никуда не девались, разве только наглее стали. Одно слово – Иркутск!

Полицейские заказали еще по кружке и принялись обсуждать план дознания. Федор Степанович предложил навести страху на полицмейстера, а вот начальника сыскной привлечь в союзники. Честно рассказать ему суть дела и попросить вести его рьяно, на совесть. Потом это будет отмечено в рапорте министру внутренних дел...

Лыков послушал и согласился. Франчук – рядовой надзиратель, его помощи не хватит. Андреев же по должности – помощник полицмейстера, и к тому же человек опытный...

– Пошли знакомиться с вашим прирожденным!

Вскоре питерец уже пожимал руку главному сыщику города. Тот сразу вызвал у него симпатию: крепкий, спокойный, уверенный в себе.

– Вас Алексей Николаич зовут? Помню, Аулин весьма даже вас хвалил. Дали вы тогда тут всем касторки полную порцию...

– Михаил Павлович, я здесь проездом, но вот нашлось дело. Не могу отбыть, пока его не решу. Вышло вот что...

Лыков рассказал коллеге, почему собирается застрять в городе. Задача командировки выполнена, однако имеется частный интерес. Нужна помощь здешних сыскарей.

Андреев сначала морщился. Своих поручений невпроворот, а тут еще искать извозпромышленников с того берега Байкала. Однако Лыков настаивал. Он

бросил на стол полсотни и пообещал «учесть в дальнейшем». Про дальнейшее титулярный слушать не стал – столица далеко, там питерец быстро забудет свои слова. А две «беленьких»[17 - «Беленькая» – купюра в 25 рублей.] – вещь осязаемая и приятная.

В итоге питерец с иркутянином поднялись на второй этаж и вломились в кабинет полицмейстера. Коллежский ассессор Варушкин, увидев столичного ревизора, оцепенел. Лыков напустил на себя строгость и рассказал, что имеет два поручения от начальства. Одно касается учреждения в Верхнеудинске городского полицейского управления, и оно уже выполнено. А второе, негласное, – насчет здешних порядков. До МВД дошли слухи, что в Иркутске власти не справляются с напором преступности. Действительный статский советник Белецкий велел Лыкову, воспользовавшись командировкой, заодно обревизовать тамошнюю полицию. Так что давайте знакомиться...

Бедолага стал было ерепениться: а нет ли письменного указания? Но тут в кабинет без стука вошел Пирашков, бессменный помощник всех последних иркутских полицмейстеров. Он обнял Лыкова и трижды расцеловал со словами «наконец-то приехал, чёртушко». Алексей Николаевич привлек его к обсуждению. Пирашков цыкнул на шефа и десять минут рассказывал ему и Андрееву, какой орел питерский гость и как он расчихвостил здешнюю шпанку два года назад.

Дав надворному советнику закончить, статский обозначил свой интерес. Он проверит годность иркутской полиции на конкретном деле. Пропали два извозопромышленника, приехавшие сюда из Верхнеудинска. Случайно один из них оказался родственником тамошнего полицейского надзирателя Борениуса, за которого попросили уездный начальник и вице-губернатор. Лыков обещал помочь, взял надзирателя с собой частным образом и теперь готов посодействовать в дознании. Люди исчезли неделю назад – неужели до сих пор не нашли тел или хотя бы каких следов?

Руководство всполошилось. Два возможных покойника, а полиция ни сном ни духом. Отыскивали телеграмму Кармазина, на которую вовремя никто не обратил внимания, и все забегали. Варушкин велел телефонировать в участки и сделать обход постоянных дворов, гостиниц и заодно притонов. Начальник сыскной отправился в адресный стол. А статский советник вернулся в «Купеческое подворье», где томился в неизвестности Георгий Васильевич.

Лыкову нечем было его утешить. Разве что тем, что поиски приняли активный характер, следы пропавших должны наконец отыскаться. К полуночи слова сыщика получили страшное подтверждение...

Сначала Андреев установил, что верхнеудинцы Красовский и Угрюмов отметились в номерах «Витим» на Александровской улице, аккуратно во владениях Нико Ононашвили. И будто бы благополучно съехали оттуда шесть дней назад. Коридорному они сказали: лошади есть, купим их, и домой! С тех пор извозопромышленников никто не видел.

А затем на Третьей Иерусалимской улице возле дома № 122 полицейский обход наткнулся на мешки, стоявшие в лужах натекшей крови. Когда их развязали, внутри обнаружили два мужских трупа, разрубленных на части.

Преступление оказалось не только жутким, но и необъяснимо глупым. Убийцы расчленили тела своих жертв, видимо, чтобы легче было от них избавиться. Но потом, вместо того чтобы спрятать мешки, просто оставили их под навесом дома! Где те и простояли четыре последних дня. Жильцы ходили мимо, морщились от трупного запаха, но никто не сообщил в полицию. Преступники словно позабыли о совершенном злодеянии, о том, что надо замести следы... Сумасшедшие, что ли, работали?

Борениус помчался в полицейский морг и опознал тестя. Стало ясно, что пропавшие верхнеудинцы найдены. Оставалось теперь поймать их убийц.

Номера «Витим» находились вблизи железнодорожного вокзала, вокруг которого все принадлежало людям Ононашвили. А трупы отыскивали на другом конце города, недалеко от Иерусалимского кладбища. Как они там оказались? Сыскное отделение взялось за работу. Уже к утру стало известно, что покупатели лошадей пили чай у Ивана Артюнова. Тот принадлежал все к той же организации сибирских кавказцев, отбыл ссылку, приписался к иркутскому мещанству и держал на Хлебном базаре чаевую с дурной репутацией. Купцов видели в подходящее время, накануне их пропажи. Осведомитель сообщил, что вокруг них увивались кавказские ребята. В одном он узнал Георгия Тетрадзе, очень опасного человека.

Так люди Андреева взяли след. Дальше было уже проще. К обеду Тетрадзе обнаружили в притоне на Вокзальной и арестовали. С ним взяли и русского,

Афанасия Грозднова, беглого арестанта. Он сидел под следствием по обвинению в убийстве, но еще весной сбежал из тюремного замка. Оказалось, что негодяй все это время жил в городе и спокойно ходил по кабакам, не особенно прячась...

Полиция неистовствовала: глупое кровавое преступление портило отчетность. Потому сыщики действовали жестко и быстро. При обыске в квартире Грозднова нашли вещи Красовского: белье с метками, паспорт, часы с монограммой. Поняв, что отпираться бессмысленно, бандит дал признательные показания. Да, они с Жоркой облебастрили это дело. Наводчик познакомил их с приезжими на конном базаре. Ребята выдали себя за тертых барышников, привели покупателей в заведение Артюнова и начали переговоры. Верхнеудинцы купились. Место тихое, в центре города, опасаться вроде бы нечего... Им в чай подмешали «травки», опоили и увели в подвал. Там Грозднов с напарником зарезали уснувших, а потом Тетрадзе разрубил трупы топором. Части тел сложили в два мешка и ночью отвезли на Иерусалимскую гору, с тем чтобы под утро кинуть их в Ангару возле Знаменского предместья. Но у Афанасия поблизости жили приятели. Оставив мешки под навесом, убийцы решили сперва выпить по лампадке. И загуляли, позабыв про кровавые улики! Русский ушел в запой и к моменту ареста еще до конца из него не вышел. А грузин, видать, невеликого ума человек, просто не сообразил. Утром он вернулся к своим делам, решив, что о трупах позаботится его сообщник. В результате раскромсанные останки двух человек несколько дней лежали на виду у всей улицы, пока полиция их не обнаружила.

Подробности преступления были столь ужасны, что Андреев вернул Алексею Николаевичу полученные от него пятьдесят рублей, сказав при этом: «Наш грех, долго раскачивались...» Казалось бы, история с пропажей торговых людей на этом завершилась. Борениус повез останки тестя в Верхнеудинск. Лыков дооформлял бумаги. И вдруг под вечер его вызвали в сыскную.

В кабинете титулярный советник смазывал наган и рассовывал по карманам патроны. Алексей Николаевич нахмурился:

– Готовится арест? Кого ловите на этот раз, Михаил Павлович?

– Да попался тут один на глаза... Мы же оставили на квартире Грозднова засаду.

– Хм. А мне ничего не сказали.

– Ну, не сказали. По большей части такие засады ничего не дают, сами знаете. А в этот раз повезло.

– Ну-ка, ну-ка!

Андреев ссыпал патроны в боковой карман и пояснил:

– Есть такой Василий Тимофеев, он же Сизов. По нашим меркам, «иван», авторитетный в преступных кругах человек...

– Это он в тысяча девятьсот шестом году покушался на жизнь начальника Читинской тюрьмы? – сразу вспомнил статский советник.

– Тот самый, – подтвердил главный сыщик. – И в Петербурге о нем знают?

– За подобное покушение полагается виселица, а Тимофееву дали двадцать лет. Почему такое послабление?

– Черт его поймет. Прокурор оплошал, не все сумел доказать. И Василий Гаврилыч – тут его все называют по имени-отчеству – соскочил с висельной приступки. А три недели назад сбежал из Александровской каторжной тюрьмы. Мы думали, он утек к соседям, или в Красноярск, или в Благовещенск. Уж и искать перестали. А вчера он подошел к дверям квартиры Грозднова и долго стоял, высматривал в окна. Что-то «ивану» не понравилось, и он удалился, так и не постучал в дверь.

Лыков сел на край стола и непроизвольно сжал кулаки:

– Ну? Вы его упустили?

– Никак нет. Франчук опытный, он взял неизвестного в проследку и довел до склада торгового дома «Рубанович и Мордухович». Это в Знаменском предместье, на берегу речки Пшеничной. Сторож впустил бандита внутрь, как своего человека. И в тот момент Федор Степанович опознал в нем Тимофеева-Сизова.

– Так-так... Где сейчас Франчук?

– Дежурит на углу Гундеринской и Соловьевской. Наблюдает за воротами. Мы вот собираемся...

– Я еду с вами.

– Алексей Николаевич, я обязан вас предупредить: Василий очень опасен! И возможно, он на складе не один, а там целый притон.

– Тем лучше, сцапаем всех оптом. Браунинг у меня с собой. Я, знаете ли, Михаил Павлович, еще с того приезда зарекся по вашему городу без оружия ходить...

– И правильно делаете, – назидательно ответил начальник сыскной. – В меня за последний год уже четыре раза стреляли. Однако есть вопрос... Франчук рассказывал, что вы будто бы пятаки ломаете. Правда это или нет?

– И пятаки, и гривенники, – ответил удивленный Лыков. – А вам зачем?

– А вот зачем. В Александровском центральном отбывает срок самый сильный во всей Нерчинской каторге уголовный, «иван» по фамилии Неизвестный. Так в его бумагах написано, а подлинного имени бандита никто не знает...

– И что? – продолжал недоумевать Лыков.

– Этот Неизвестный командует тюрьмой, он ее некоронованный правитель. Все его боятся, и арестанты, и стражники. Неимоверно силен! И очень жесток. Так вот, Тимофеев-Сизов, которого мы собираемся захватить, однажды на спор схватился с тем богатырем. И вышла у них ничья. Так что... как бы он нам на том складе самым боком не намял. Вот я и думаю...

Алексей Николаевич хмыкнул:

– Я пойду в первых рядах. Посмотрим, насколько ваш геркулес силен. Оставьте его мне, хорошо?

– Охотно оставлю, ваше высококородие! – шутовски вытянулся титулярный советник, а сам прятал глаза...

Сыскные прибыли на Пшеничную уже ночью. Фонарей вокруг не наблюдалось, однако луна и так хорошо подсвечивала. За квартал от склада их поджидал Франчук. Он сказал:

– Там они. Человека три, а то и четыре.

– А сторож где? – спросил начальник отделения.

– Пьяный спит. Ворота он запер, придется кому-то лезть через забор.

– У нас на это есть Журомский, – хихикнул надзиратель Огий-Тышкевич, корпусный мужчина с пивным животом.

Журомский, маленький и юркий, как подросток, послушно кивнул.

– Где полиция? – влез Алексей Николаевич.

– Наряд из Второй части в пути, будет тут с минуты на минуту.

Действительно, подойдя к воротам, сыщики увидели шедших от угла городских под командой околоточного.

– Ну, ребята, с богом, – сказал Андреев, перекрестился и вынул револьвер. Все дружно последовали его примеру.

Журомский ловко перескочил через забор и отодвинул изнутри засов. Полицейские тихо вошли во двор и рассыпались вокруг склада. Они действовали слаженно, без слов понимая друг друга.

Михаил Павлович ткнул пальцем в Лыкова и Франчука и показал себе за спину: идите за мной! Они выстроились цугом и проникли в сени. Там на ящике храпел сторож, от него разило водкой. Ступая бесшумно, арестная команда медленно продвигалась по темному коридору. Наконец они остановились перед дверью, из-за которой слышались голоса. Кто-то громко и внушительно говорил:

– ...а нас девятнадцать душ, мы кого хочешь переголосуем!

– Да ладно тебе, Василий Гаврилович, – возразил ему хриплый тенор. – Мы в Сибири, вона как от Питера далеко. И все наши «иваны» по тюрьмам сидят. Когда еще выйдут... А те, кто возле столиц греются, завсегда по-своему решат, как им выгодно, так и будет.

Интересный разговор, подумал Лыков. Только непонятно, о чем... Но слушать долго ему не дали. Андреев пнул дверь, ворвался в комнату и заорал диким голосом:

– Стоять, полиция! Стрелять буду!

Внутри оказалось четверо, но статский советник, не глядя на остальных, сразу кинулся к главному противнику. Высокого роста, с грубым сероватым лицом, тот в позе вождя стоял под лампой. Не иначе, это был Тимофеев. Вздвогнув сперва от неожиданности, атаман быстро оправился и сам налетел на питерца. Однако не преуспел: Лыков нырнул под огромный кулак, схватил бандита за правую ногу, а левую подсек. Тот с грохотом опрокинулся на спину, а сыщик оседлал его и нанес с маху два сильнейших удара в лицо. После чего не спеша поднялся и одернул пиджак. Он мог уже не торопиться: «иван» потерял сознание.

Алексей Николаевич осмотрелся. Его товарищи тоже зря времени не теряли. Двух вязали, а последнего, успевшего выскочить в другую дверь, заталкивали обратно. Похоже, полный успех: обитатели притона схвачены, потерь среди полицейских нет...

Разгоряченный Андреев выстроил в ряд трех арестованных и мигом их всех опознал:

– Это Ефимка Беззубый, он же Ефим Степанович Рашковский. Серьезная птица, прямо пеликан, не меньше! Так... Вторым у нас Вовка Тридцатипятилетов, тоже головорез первый сорт. Третий... хм... похож, да не совсем... А! Николай Осокин, он же Петр Агеев, осужден на десять лет каторги за разбой. Удачно мы пришли на склад, ваше высокородие. А что с атаманом?

Как раз в этот момент Тимофеева подняли с пола и пытались поставить на ноги. Тот мычал и валился обратно.

– Эк вы его уделали, Алексей Николаевич. Любо-дорого смотреть. А я еще сомневался...

– Похоже, тут был сход головки, – высказал предположение Лыков. – Для обычного притона слишком много чести.

– Да, – сразу согласился главный иркутский сыщик. – Публика калиброванная. И ни одного кавказца, только русские. Что тут было, Беззубый? Что за съезд?

– Водку пили да селедкой закусывали, вот и весь съезд, – ответил Рашковский. – А тут вы...

Сыщики поняли, что быстрых признаний они не добьются. Бандитов увезли на Лесную, а Лыков остался обыскивать помещение. Что-то важное происходило тут до появления полиции. Но что? Четыре авторитетных бандита, все в бегах, один из них «иван». И говорили про тех, кто в столице, что их надо переголосовать.

Обыск дал результаты, но не те, на которые рассчитывал Алексей Николаевич. Были обнаружены ящики с американской подошвенной кожей, украденные с железнодорожных товарных складов. Нашлись также серебряные изделия на сумму около десяти тысяч рублей – явно воровская добыча. Все это питерца не интересовало. Уже с рассветом он явился в городское управление полиции. Там заспанный судебный следователь заканчивал допросы арестованных. Лыков чуял добычу и вытребовал у него распоряжение о выемке почтовой корреспонденции всех четверых. Потом разложил перед собой липовые паспорта бандитов и задумался.

Ребята говорили про Петербург. Тут девятнадцать «иванов», все сидят по тюрьмам, когда еще выйдут... А там, возле столиц, греются другие «иваны», они и решат, как им выгодно... Черт. Что же это значит?

Тут пришел Андреев и протянул Алексею Николаевичу лист бумаги:

– Не пойму, что такое. Но явно важное: у Тимофеева было зашито в подкладке.

Статский советник развернул листок. Сверху было написано: «Единогласно за Мезгиря». И подписи: Неизвестный, Тимофеев Василий, Сашка Чахотошный, Смушкарь, Хурда-Мурда, Толик Вятский, Пика, Кляун, Бызов «и еще десять человек из Зерентуя присоединились устно».

– Та-а-к... – Лыков даже взопрел. – Помните, они говорили про какие-то выборы? Когда мы стояли под дверью.

– Помню, – ответил титулярный советник. – Их девятнадцать, они кого хочешь переголосуют. И здесь девятнадцать подписей. Если считать присоединившихся устно. Что за выборы, Алексей Николаевич?

– Вы упомянули про Неизвестного, что он самый влиятельный в каторге «иван». Вот его закорючка. Остальных я тоже знаю. Пика и Кляун – московские громылы, тянут бессрочную каторгу в Александровском центре. Бызов верховодит Алгачской тюрьмой, Смушкарь и Толик Вятский – Кутомарской, а Чахотошный с Хурдой – Кадаинской. Устно присоединились те, кто держит Зерентуй, там всегда были свои вожди. Чуете?

– Нет.

– Перечисленные люди – «иваны». Они сидят в Нерчинской каторге. Каторга состоит из семи тюрем, в них и обитают наши девятнадцать ребяташек. Кто смог – подписал лично, остальных опросили заочно. Это голосование среди сибирских «иванов». Кого они могут выбирать, да еще в Петербурге? Только одно приходит на ум.

– Не может быть! – ахнул начальник сыскного отделения.

– А что же еще? «Иваны» выбирают себе «ивана ивановича». И вот послали в столицу гонца, сообщить, за кого они отдали свои голоса. Ну дела... Уже много лет, как нет такого. Не любят воротилы подчиняться. И вдруг засуетились. Что-то случилось...

– Алексей Николаевич, а кто такой Мезгирь?

– Мезгирев Петр Лукьянович, атаман Горячего поля.

– А что за Горячее поле?

– Самое страшное место в Петербурге. Болота, потаенные землянки, свои извозчики и организованное оповещение. Там укрываются беглые, а полиция не может их изловить. Интересно, с кем наш Мезгирь конкурирует. Но пленники навряд ли нам что-то скажут.

Лыков не ошибся: арестованные бандиты молчали. Тогда сыщик послал рассыльного городского на почтамт узнать, сохранились ли оттиски[18 - Оттиск – копия телеграммы, которая остается на почте.] телеграмм. У Тимофеева нашли паспорт на имя мещанина Лукина, и Алексей Николаевич предположил, что «иван» мог писать в столицу. Должен же был там его кто-то встретить. Однако рассыльный вернулся с пустыми руками:

– Так что, ваше высокородие, от Лукина никаких депеш послано не было!

Статский советник отпустил парня, а когда тот вышел, спросил Андреева:

– Михаил Павлович, вы ничего в нем не заметили?

– В ком, в рассыльном?

– Да.

Андреев пожал плечами:

– Городовой не хуже других. Фамилия ему Сидоров. Он уже семь месяцев служит. Расторопный. А что?

Лыков вскинулся:

– Вы же начальник сыскного отделения! Откройте глаза. Разве не видите, что он из уголовных?

Андреев уставился на питерца:

– Ну вы фокусник. На них что, написано?

– Конечно, написано. Опытный полицейский чует эту дрянь за версту. Ваш Сидоров не тот, за кого выдает себя. У него явно уголовное прошлое.

– Не может быть, Алексей Николаевич. В полицию когда берут на службу, всю подноготную сверяют. Меня вон два месяца лучами Рентгена просвечивали.

– Ну это вас, кандидата на серьезную должность. А городских вечно некомплект, берут кого попало. Следует немедленно посмотреть бумаги этого Сидорова. Поверьте мне, Михаил Павлович, – он фатовый. У вас в полиции шпион.

Сыщики засуетились и, видимо, насторожили рассыльного. К вечеру оказалось, что он украл из денежного ящика городского полицейского управления 397 рублей 80 копеек. И сбежал. К этому времени уже было установлено, что рассыльный жил по подложному паспорту. Сидорова опознали как ссыльнопоселенца из воров Гаврилу Балибардина.

В управлении поднялся переполох. Случай был из ряда вон: фатовый проник в ряды полиции и семь месяцев получал сведения обо всех секретных операциях. Люди Андреева рассердились не на шутку. Уже через сутки они отыскивали Гаврилу в Подгорно-Жилкинском селении. Лыков сам пришел его арестовывать и лично вывернул Гавриле карманы. Он уже знал, что оттиски телеграмм Тимофеева на почте имелись. Но лжегородовой их украл.

Лыкова ждала неудача. Сидоров-Балибардин успел сжечь корреспонденцию. Перед этим он порвал бумаги в мелкие клочья. Лишь один такой клочок отыскался в углу за печкой – его вор не успел пустить на растопку. На обрывке можно было разобрать только пять букв: «...збенн...». Что это за слово?

Лыков и весь состав сыскного отделения долго ломали голову над этой загадкой, но так ничего и не придумали. В словаре отыскилось всего три созвучных прилагательных: особенный, полбенный и согбенный. Однако все они без буквы «з». Избенный? Нет такого слова. Допрос фатового тоже ничего не дал. Тот сознался, что действовал по приказу Николая Ононашвили и получал от него по тридцать рублей в месяц за доклады о планах полиции. Но что было в оттисках, кто являлся адресатом телеграмм – он не смотрел. Порвал и сжег не

глядя.

Настало время Алексею Николаевичу уезжать. Командировка и так затянулась на неделю из-за истории с разрубленными на части извозопромышленниками. Никто ведь не поручал статскому советнику дознание, он влез в него по своей воле. Бумаги по Верхнеудинску давно оформлены, все подписи поставлены. Да и надоело ему в Сибири, хотелось уже домой.

Выпив на прощание с Андреевым, питерец сел в скорый поезд и поехал на запад.

Глава 3

По следу

Соседом сыщика по купе оказался видный мужчина, седовласый и уверенный в себе. Когда стали знакомиться, он представился:

– Муравов Анатолий Владимирович, гидрогеолог.

– Как-как? Кто такой гидрогеолог?

– Я занимаюсь питьевой водой, – пояснил попутчик. – Ищу водоносные слои. Вы не представляете, какую дрянь пьют в наших деревнях и даже в крупных городах. А ведь Россия очень богата чистой питьевой водой. Только ее нужно сначала найти. Ну а вы чем занимаетесь?

– Так, по коммерческой части, – уклонился от честного ответа сыщик. Он имел привычку скрывать свой род занятий от случайных людей.

Завязался разговор. Сыщику было интересно занятие Муравова: у него в поместье колодцы регулярно засорялись. Да и качество воды оставляло желать лучшего. Два немолодых человека быстро поладили и ехали дальше как добрые соседи. Геолог должен был сойти в Ялуторовске. В Ишиме попутчики вышли проведать буфет. Когда они выпили по коньяку, Лыков, неожиданно для самого себя, признался:

– Я вас обманул, Анатолий Владимирович. Прошу извинить. На самом деле я не купец, а чиновник полиции. Просто у нас не принято об этом рассказывать без особой нужды.

Муравов поморщился:

– Политических ловите?

– Нет, уголовных. Самых опасных, убийц и разбойников. И вот какое дело. Вы умный, много повидали. Вдруг догадаетесь?

Статский советник вынул из кармана клочок бумаги и показал гидрогеологу:

– Вот. Всю голову сломал. Какое слово тут было написано?

Муравов вчитался и задумался:

– «Збенн»... Ну и задачка. Хотя...

И он вдруг объявил:

– Резбенно-иконостасная мастерская!

Сыщик опешил:

– Резбенно-иконостасная? Разве подобные существуют?

– А то как же. У меня сват держит такую в Москве. Их в Первопрестольной даже много.

– А в Петербурге?

– И там есть, не может не быть. Должен же кто-то мастерить иконостасы? Там резчики, столяры, иконописцы...

– Вот это да... Спасибо, Анатолий Владимирович! Вы даже не представляете, как выручили меня своей догадкой. Резбенно-иконостасная... Кто бы мог подумать? Ай да молодец!

В Ялуторовске Муравов сошел, и дальше сыщик ехал с разными попутчиками. Но предположение гидрогеолога давало зацепку. Алексей Николаевич с нетерпением считал часы. Наконец на шестой день пути он сошел на столичный перрон. Быстро заскочил домой, обнял жену и тут же потребовал:

– Ольга, дай мне адрес-календарь, срочно!

– Может, сначала примешь ванну и пообедаешь?

– Сначала календарь.

Оконишникова притащила книгу за прошлый год:

– На, держи. Нового пока нет.

Алексей Николаевич зашелестел страницами и скоро радостно вскрикнул:

– Есть! Целых четыре.

– Чего целых четыре?

– Много будешь знать – скоро состаришься. Все, готовь ванну и прикажи подать на стол. Соскучился я по дому. Послал меня кретин Макаров, куда Макар телят не гонял. Думал унижить статского советника Лыкова глупым поручением. А вышло очень даже интересно!

Ольга Дмитриевна не пыталась выпытать, чего интересного обнаружил ее супруг в Забайкалье. Она уже привыкла, что на его службе сплошные секреты. Приехал здоровый, непораненный, и слава богу.

– Английской горькой налить?

– Налить. Знаешь, есть, оказывается, такая профессия: гидрогеолог. Умные люди ею занимаются, у-у! Кроме того, имеются в русском языке сложные обороты. Вот ты слышала когда-нибудь про резбенно-иконостасные мастерские?

– Леша, повтори еще раз. Какие мастерские? Что за ужасный набор слов? Ты сам его выдумал?

– Самому такое не выдумать. Посмотри в календаре и убедись. Я мог ломать голову целый год и так и остался бы в неведении. Но попался мне толковый попутчик. Эх... Неси горькую настойку, выпьем за гидрогеологию!

Утром, не заходя в департамент, Алексей Николаевич отправился на квартиру к Зуеву. Его бывшего начальника причислили к первому департаменту Сената, и теперь тайный советник блаженствовал. Должность директора Департамента полиции – одна из самых беспокойных. А в Сенате жалованье тоже о-го-го, но делать почти нечего. Синекура! Вот и сейчас Зуев оказался дома, в халате.

– Здорово, Крокодил Петрович! Я тебе омулей копченых привез. Прямо из Байкала!

– Да это же сам Лыков! Бывший арестант и безобразник.

Старые приятели сели. Хозяин спросил:

– По рюмочке? Под омуля.

– Тебе не на службу теперь, а?

– Эх, Леша... Сбылась моя мечта наконец. Хочу – иду туда, не хочу – не иду. Табель никто не ведет, а деньги платят исправно. Это ты богатый, а я нищеврод, мне такое в диковинку. До сих пор никак не привыкну. Боюсь, однажды вызовут и скажут: старый пень, ты еще и бездельник? Ступай вон, жалованья больше не будет...

– Не скажут, потому как все законно, – успокоил статский советник тайного. – Живи и радуйся. Вспомни, как было в пятом году. А в шестом? А в седьмом? Заслужил. Вон и экзема прошла от хорошей жизни.

Зуев во время декабрьского мятежа заболел нервной экземой, которая обезобразила его лицо. Так и ходил на совещания, пугая всех красными пятнами на щеках. И лишь перейдя в Сенат, выехал на лечение в Германию, где избавился от хвори.

Они выпили по рюмке, и Зуев спросил:

– Как ты? Трудно там было?

– В Литовском замке? По-всякому. Чины тюремной стражи в большинстве своем вели себя прилично. Помогали, чем могли. Были и другие, вроде старшего помощника смотрителя и главного вора. Тот снюхался с уголовными, вместе они грабили других арестантов. Я, как узнал, вмешался. Тут все и началось... Три или четыре раза пытались меня убить, пока товарищи не вытащили на волю. Бр-р... До сих пор иногда снится, что я в тюрьме... Просыпаюсь в холодном поту.

– Да. А я ничем тебе не помог. Извини меня, Леша, очень боялся, что выкинут на пенсию вместо синекуры.

– Извинять мне тебя не за что, Нил. Как видишь, я живой и здоровый, только немного попорченный молью. Легко отделался. И ты на теплом месте. Все обошлось наилучшим образом. У тебя усиленный оклад?

– Да, девять тысяч!

Зуев вдруг разом посерьезнел:

– Чего пришел? С Белецким у тебя все в порядке. А Макарова скоро турнут.

– Точно турнут?

– По всем признакам, к осени.

– Это хорошо. Мы с ним не встречаемся, поручения мне передает Золотарев. Но напряжение витает, так сказать, в воздухе, и это мешает службе. А я в Иркутске открыл кое-что интересное. Нужна поддержка начальства, чтобы копать дальше. Но министр помогать не станет, если к осени его заменят... Я продолжу

рыть на свой страх и риск. Будет знать Степан Петрович, и больше никто. И вот еще ты.

Сенатор замялся:

– Я-то тебе для чего? Дай помереть спокойно.

– Дело, Нил, уж больно интересное. Похоже, «иваны» готовят в Петербурге сходку. Будут выбирать себе набольшего, «ивана ивановича».

– Вот это да! А сведения точные? Такого же не было с тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года...

– Да. В восемьдесят третьем мы раскассировали Лобова, которого довольно быстро сменил Прохор Левков. Услали в каторгу и его, при моем активном участии. И с тех пор свято место пустовало. Как думаешь, Нил Петрович, с чего это вдруг блатные захотели поставить себе царя? Двадцать пять лет жили без него, и тут на тебе... готовят коронацию. А?

– Не тому человеку ты вопрос задаешь, Алексей Николаевич. Я теперь в Сенате баклуши бью и больше не директор Департамента полиции. И то сказать, в нашем департаменте всегда имелся перекося. Главные усилия, и раньше и теперь, направлены на политический сыск. Уголовный был в загоне. Тебе ли объяснять? Хорошо, что создали Восьмое делопроизводство. Хорошо, что отдали его Лебедеву. И все! Ну, какой-никакой контроль за сыскными отделениями на местах Василий Иванович ведет. Координация там, единая картотека, дактилоскопия... Вот еще служебное собаководство, это уж Лебедев по своей инициативе тянет, любит он собак. Но сыскной кредит, агентура, кадры – все брошено на борьбу с крамолой. Твои любимые уголовнички предоставлены сами себе. Общая полиция с ними не справляется. А сыскная малочисленна, на то жалование, которое им отвел Коковцов, порядочные специалисты не идут. Вот и распустились ребята. Царя захотели? Ну-ну, пускай. Ты в департаменте дока по уголовным, вот и воспользуйся случаем. Отловишь делегатов прямо на этой сходке – и тузь сукиных детей. В Сибирь их! Вместе с «иван ивановичем». Пусть в Нерчинске на нарах царствует.

«Дока» вздохнул:

– Легко сказать, да трудно сделать. Информации ноль, одна лишь ниточка.

И рассказал бывшему шефу о мастерской по изготовлению иконостасов.

– Похоже, это условный адрес для переписки сибирских «иванов» со здешними. По крайней мере, арестованный мной беглый каторжник Тимофеев слал туда телеграммы. А он в местах заключения очень авторитетная фигура. Вишь ты, специально сбежал, чтобы присутствовать на выборах. И голоса с собой вез, совсем как на партийных съездах эсдеков где-нибудь в Швейцарии. Да, прав Филиппов: начались контакты между политическими и уголовными. Пока едва заметные, но если так пойдет и дальше...

Но Зуев отмахнулся:

– Пусть Владимир Гаврилович рассказывает свои сказки другим, а мне не нужно. Масло есть масло, вода есть вода; они никогда не смешаются. Однако, если ты прав и в Петербурге действительно готовятся выборы главного над фартовыми, без Филиппова не обойтись. А Макаров тебе развернуться не даст. Ох, время неудачное... Нужна совместная операция: Департамент полиции, градоначальство, охранное отделение, судейские. Кто их вместе соберет? У Белецкого не хватит силенок. Ждать же, пока Макарова заменят, тоже нельзя – выборы уже состоятся. Да и кого еще поставят вместо него! Говорят, государю понравился Маклаков... Не дай бог такого.

– Маклаков? – статский советник чуть не упал со стула. – Черниговский губернатор?

– Он самый. А что? Сделали же Столыпина министром внутренних дел прямо из губернаторов.

– Так ведь Маклаков не Столыпин!

Алексей Николаевич вскочил и обежал вокруг письменного стола.

– Знаешь, как называют братьев в Москве?

– Напомни, – приказал сенатор.

– Есть три брата Маклаковых, сыновья известного в городе офтальмолога. Младший, Алексей, пошел по стопам отца, его кличка – Окулист. Старший, Василий, присяжный поверенный и депутат Государственной думы – Юрист. А Николай, средний брат, нынешний диктатор Чернигова, имеет кличку Стрекулист. И вполне, говорят, заслуженно.

– Для тебя все равно лучше он, чем Макаров, – опять замахал руками Нил Петрович. – Но как быть сейчас с «иванским» съездом? Белецкому ты обязан доложить. А дальше как?

– Дальше будет видно, – рассудительно ответил Лыков. – Ждать осени я не могу, надо действовать немедленно. Собрать в общую операцию нас, охранное отделение и столичную сыскную без санкции министра маловероятно. А он ее не даст, если застрельщиком буду фигурировать я. Надо скрыть мое участие, точнее, поставить статского советника Лыкова в конец шеренги. Один из многих, рядовая роль. А про «иванский» съезд сказать, что поступила агентурная информация. Мы обязаны принять меры, удушить зло в зародыше, иначе получим в столице сильную преступную организацию со своим вождем.

– Пожалуй, – согласился тайный советник. – От меня что нужно? Телефонировать Степе и выказать беспокойство?

– Да, а еще поддержать со стороны ОКЖ. Если понадобится.

Брат Нила Петровича Дмитрий Петрович служил прежде в жандармском корпусе начальником штаба. А до того в Военно-ученом комитете под началом Таубе! Сейчас Зуев-старший в чине генерала от инфантерии командовал 25-м армейским корпусом. Между братьями сохранялись тесные отношения, и генерал часто выручал Нила Петровича советом или справкой.

– Ну, пойду в департамент, – решил Лыков. – Извещу Степу, что у нас под носом готовятся выборы короля преступного мира Санкт-Петербурга. То-то он обрадуется.

– Иди, служака, иди служи. А я еще чайку попою да книжку почитаю, – ехидно ответил сенатор.

– Но...

– Я все понял, если понадобится, перед кем надо слово замолвлю.

На Фонтанке, 16, статский советник первым делом пришел в свой кабинет и спросил Азвестопуло:

– Как, сильно орет?

У Сергея четыре дня назад родилась девочка, которую назвали Дашенькой.

– В сравнении с вашим тезкой она просто тихоня, – бодро ответил коллежский асессор. – А вы как? Вчера еще приехали, даже не телефоновали. И с утра куда-то подевались. Я жду, жду...

– Есть новости из Иркутска. Сейчас расскажу, и будем думать, что дальше делать.

Шеф изложил помощнику сведения о готовящихся в столице выборах. Данных было немного, но догадка гидрогеолога давала надежду на след. Сергей дотошно расспросил Лыкова и резюмировал:

– Серьезные дела надвигаются. А кто сейчас в столице первейшие «иваны»? Из кого будут выбирать?

– Надо обсудить с Филипповым, – ответил статский советник. – Думаю, главным конкурентом Мезгирю будет Сорокоум.

– Это что еще за персонаж?

– О нем никто ничего толком не знает. Очень законспирированная личность. Появился на преступном небосклоне лет десять назад. Кличку получил за то, что умен, действует всегда выверенно, следов не оставляет.

– Что, и в тюрьме не сидел? – удивился Азвестопуло. – Как же он прошел в вожди? Так не бывает. Нельзя сделаться «иваном», не отмотав каторгу со ссылкой. Сами мне говорили.

– Было одно исключение, – вспомнил Алексей Николаевич. – Давно, в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году в Москве. Там королем стал некто Михаил Ильич Мячев. Для этого ему пришлось убить своего предместника, настоящего бандита по кличке Анчутка Беспятый. Причем убрал он его моими руками. Едва тогда Мячев не списал нас с Челубеем, когда мы сделали дело и оказались не нужны...[19 - См. книгу «Между Амуром и Невой».] Так вот, новый московский король в тюрьме ни разу не сидел, а выдвинулся умом и хитростью. Правда, через два года его свои же зарезали, но факт налицо.

– Это когда было, – парировал Сергей. – Я еще и не родился. Давайте лучше про Сорокоума. Имя и фамилия, стало быть, полиции неизвестны?

– Нет. Отличительная особенность этого человека – умение зарабатывать. Он тоже бандит, и руки наверняка в крови. Но в последние годы проник в деловую среду. По косвенным признакам, легально он торговый человек, мануфактурщик или кто-то в этом роде. Повторю, сведений достоверных нет, одни обрывки. Трудный противник.

– Может Сорокоум быть владельцем резбенно-иконостасной мастерской?

– Думаю, что вряд ли. Мелковато для него. Или это условный адрес, просто «почтовый ящик». Или там сидит один из выборщиков, рядовой громила.

– А другие? Чай, в Питере не два «ивана», а поболее.

Лыков задумался:

– Я этим народом занимаюсь, сколько служу в полиции. «Иваны» самые опасные, без них не решаются серьезные дела. Искоренить это сословие уже невозможно – оно пустило глубокие корни. И сведений на них никто из шпанки не даст, за такое сразу прикончат. Как проникнуть на их съезд? Скорее всего, никак.

– Вы, барин, фамилии назовите, а мы уж поищем, – осклабился помощник. – Ну? Сколько их на сегодня? В Сибири девятнадцать, а в Петербурге?

– Здесь около дюжины, их перемещения нам точно неизвестны.

– А в Москве?

– Побольше. Кошко[20 - Кошко Аркадий Францевич – начальник Московской сыскной полиции.] насчитывает до двух десятков.

Азвестопуло черкнул в блокноте и продолжил:

– А в центральных губерниях?

– Там их почти нет. Денег в провинции мало, вот они и тянутся к большим городам. В Нижнем появляются два-три человека, но летом, когда ярмарка. Варшавские вожди наших выбирать не приедут, кавказские тоже. Выходит, партию разыграют между собой три силы: каторга, Петербург и Москва. «Рапорт» из Забайкалья вез с собой Василий Тимофеев, да не довез. Теперь они пришлют бумагу повторно, уже, видимо, с секретной арестантской почтой, без делегата.

– Так... У нас есть четыре мастерских в столице и агентурные разработки по местным жожакам. Правильно рассуждаю?

Статский советник одобрил:

– Правильно. Но пока копаешь мелко. Резбенно-иконостасная мастерская – слабая зацепка. Если там лишь получают корреспонденцию и передают ее дальше, мы надолго увязнем. Спугнем съезд, ребята усилят конспирацию... Надо напярчь всю агентуру. И филипповскую, и мою.

Департамент полиции еще при Трусевиче передал свою сеть осведомителей в ПОО и ПСП. Лишь Лыков не подчинился приказу и оставил личную агентуру при себе. В ней насчитывалось около двадцати человек, зато проверенных. С той поры несколько раз начальство делало попытки забрать их, но обычаи были на стороне сыщика. Осведомители – золотой фонд любой секретной службы. Их подлинные имена не должен знать никто, кроме того, кто ведет агентов. И денег Алексей Николаевич из сыского кредита брал немного, поскольку часто доплачивал агентам из собственных средств. Зато, если требовалось, статский советник поднимал их по тревоге хоть днем, хоть ночью. И часто именно его люди давали результат по осведомлению.

Но пора было идти к начальству. Алексей Николаевич телефоновал Белецкому и попросился на прием. Сказал, что ему требуется не меньше часа, поскольку он привез из Сибири чрезвычайные сведения. Степан Петрович, человек весьма умный, первым делом спросил:

– Без Макарова мы ваши новости осилим? Или...

– Сначала я сообщу все вам, даже Золотарева не надо. А там решите.

– Тогда не раньше десяти. У меня сегодня доклад, а это надолго. Если министр спросит о вас, что сказать?

– Что Лыков вернулся и ночью отрапортует о командировке.

– До встречи!

Белецкий отсоединился, и сыщики опять заговорили об «иванах».

– У Филиппова своя агентура, – начал Сергей. – И возможно, ему уже доложили о съезде.

– Возможно.

– Кроме того, они могут знать что-то насчет Сорокоума. Все-таки тот ходит по земле, а не по небу летает. Значит, оставляет следы.

– Ты предлагаешь увидеться с Владимиром Гавриловичем прямо сейчас? – догадался Лыков. – До встречи с Белецким?

– А что такого? Зато, если у ПСП есть сведения, вы дополните ими свой вечерний доклад.

– Ты прав. Телефонируй в сыскную.

Главный столичный сыщик принял Лыкова с Азвестопуло через два часа. После истории с вызволением Алексея Николаевича из тюрьмы, когда Сергей

застрелил обидчика своего шефа[21 - См. книгу «Взаперти».], Филиппов относился к коллежскому асессору настороженно. Но при этом и с возросшим уважением.

– Какую гадость вы приготовили мне на этот раз? – сразу взял быка за рога Филиппов.

– Владимир Гаврилович, – заговорил Лыков, – сведения мои непроверенные и получены в Иркутске. Я только что оттуда. Однако характер информации таков, что я сначала решил сообщить ее вам и лишь потом Белецкому.

Статский советник еще более сжался, а второй статский продолжил:

– Вам что-нибудь известно о том, что «иваны» решили избрать над собой «ивана ивановича»?

– Этого только не хватало! Где, в Сибири?

– Увы, здесь, в Петербурге.

Филиппов вскинулся:

– Вы сказали, сведения непроверенные. Можете вы ошибаться?

– Значит, ваша агентура ни о чем таком не заявляла? – парировал вопрос Алексей Николаевич.

– Ни звука.

Вдруг Филиппов начал судорожно царапать столешницу:

– Черт. Черт!

– Это вы к чему, Владимир Гаврилович?

– Было какое-то шевеление по весне. Шел слух, что Сорокоум с Мезгирем делят город. Вы ведь знаете обоих?

– Наслышаны, – кивнул с важным видом Авестопуло.

– Так вот, слух не подтвердился, в преступном мире столицы ничего особенного не происходит. Все как обычно.

– То есть, – уточнил Алексей Николаевич, – войн между бандами нет, и неопознанные трупы штабелями по улицам не валяются?

– Точно так. Более того, Петербург огромен, и денег в нем столько, что хватит места еще на полсотни «иванов» и мазов[22 - Маз – атаман шайки, следующий после «ивана» в преступной табели о рангах.]. Не дай господи, конечно... Потом, Алексей Николаевич, вы же знаете не хуже меня: эти волки не любят подчиняться. Сколько уже лет нет у нас «ивана ивановича»? Более двадцати?

– Да, с тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года.

– И чего это вдруг?

– Я тоже задавался этим вопросом. Ехал из Иркутска шесть суток, время подумать было. Разве вы не замечали, что в последние год-два криминальный мир стал меняться? Повысилась его организованность. Спасибо революции! Блатные научились у политических многому, в том числе сводить воедино людей, как в партию. Их вожди поняли, что в партии заключена большая сила.

– Ну... – пробормотал главный сыщик, напряженно слушая собеседника.

– И не одни политические подсказали сию мысль фартовым. Кое-где так уже давно. Помните, я вам рассказывал о грабительской организации иркутских кавказцев? Во главе с Николаем Соломоновичем Ононашвили, которого вполне уместно было бы назвать сибирским «иваном ивановичем». Похожие порядки существуют в Туркестане и на том же Кавказе. Рано или поздно должно было докатиться и до столиц.

– М-да... – вздохнул Филиппов. – И покойный Тольх, я вам рассказывал, предвещал перемены. Один к одному. Значит, дождались?

– Похоже на это.

И Лыков рассказал, как поймал в Иркутске беглого каторжника Тимофеева с письмом в столицу от сидящих в Нерчинске «иванов». Владимир Гаврилович сразу и безоговорочно поверил:

– Все теперь мне ясно. Вы правы: это, так сказать, бюллетень для голосования. Значит, нерчинские «иваны» за Мезгиря?

– Да, единогласно.

– Вполне объяснимо. Там ребята боевые, налетчики-разбойники, Мезгирь им по духу ближе. Сорокоум, как говорится, человек нового поколения. Он не только головорез, но еще и делец. А сведений о нем сущие крохи. К тому же вопрос, кого выберут здешние делегаты. Им от содействия Сорокоуму пользы больше, наш торговец просто перекупит голоса. А конкурента сдаст нам.

– Вот бы столкнуть их лбами! – воскликнул Азвестопуло. – Пусть и тот, и другой обратятся к сыщикам за помощью. А уж мы не откажем!

Статские советники одобрили речь коллежского асессора, но скептически покачали головами. При стычке между влиятельными преступниками они, бывает, сдают друг друга полиции. Тут уж кто первый успел... Но «иваны» – особая категория. За такие проделки могут и чина лишить. А разжалованный «иван» долго не проживет.

– Однако попытаться надо, – резюмировал Филиппов. – Вот только как передать наше предложение?

– Агентуры у вас возле них нет? – осторожно спросил Лыков.

– Возле – нет. Так, с обочины какие-то слухи подбираем иногда. Вот разве у вас, Алексей Николаевич, найдутся?

Чиновник и бровью не повел, смотрел молча. Не дождавшись ответа, главный сыщик продолжил рассуждать:

– Также установим наблюдение за всеми четырьмя мастерскими. Этими... резбенными. Вдруг да конец найдем?

– Агентуру на фокус все-таки наведите, – предложил Лыков. – Любые сведения о сходке, о месте, времени, составе участников – будут оплачены по высшему разряду. Это я беру на себя.

– А вы наведите свою.

– А я свою.

Статские советники переглянулись, словно заключили соглашение.

Азвестопуло сунулся с неожиданной мыслью:

– А если найдем ту мастерскую, предлагаю отправить туда меня. С письмом, что нашли в подкладке у того беглого, у Тимофеева. Будто бы я его помощник, сам «иван» прихворнул в дороге, передал мне протокол собрания нерчинских вождей, и вот я с ним явился по команде. Скажите, мол, кому дальше маляву передать. А?

– Тут-то тебе сразу глупую голову на рукомойник и положат[23 - Положить голову на рукомойник – убить (жарг.)], – сварливо заявил Лыков.

Филиппов поддержал:

– Одной малявы для внедрения недостаточно. Нужна легенда, схожесть по приметам, дополнительные подтверждения. На это уйдут недели, и все равно риск огромный.

– Да я Серега Сапер, личность известная!

– Личность Сапера уже несколько раз засвечена, как фотографическая бумага, – добавил дегтя Алексей Николаевич. – Мы с тобой это давно обсудили, чего

возвращаться? Легенда закрыта.

– Но ведь такой случай!

– Для самоубийства случай подходящий, такого потом долго не будет. Раз – и квас. Дурачок! А еще коллежский асессор. Питерские «иваны» кого попало к себе пустят? Накануне выборов? Да тебя семь раз проверят. Серега Сапер засыпал «номера для беглых» в Иркутске, взорвал шайку боевиков в Ростове и ловил изувера Балущу в Одессе. Мало?

Азвестопуло не сдавался:

– Все это было далеко от Петербурга. Здесь меня никто не знает. Владимир Гаврилович подскажет, на какую малину лучше явиться гонцу из Нерчинска...

Филиппов задумался, но потом покачал головой:

– Нет, не возьму грех на душу. Опасно! Надо как-то по-другому, не рискуя жизнями полицейских чинов.

Лыков чувствовал, что пора заканчивать разговор, и заявил:

– Поздно вечером делаю доклад Степану Петровичу. Сходку надо пресечь. Попрошу объединить усилия Департамента полиции, охранного отделения и вашего. Предупреждаю заранее. Отвертеться не выйдет!

– Мы охотно присоединимся, – ответил начальник ПСП. – А кто возглавит операцию? Вы? Я буду только за.

– Меня Макаров вычеркнет. Я могу быть лишь рядовым представителем от департамента. Поэтому предложу старшим назначить вас.

– А меня вычеркнет Драчевский!

– Ну тогда Лебедева толкнем в начальники, пускай отдувается, – предложил чиновник особых поручений. – Под ним все Восьмое делопроизводство, уголовный сыск – их прямая обязанность.

На том и порешили.

Уже ночью Алексей Николаевич в четвертый раз за день рассказал о своих иркутских открытиях. Белецкий слушал и делал пометки на полях отчета о командировке. Он сразу схватил суть дела и загорелся:

– Молодцом, молодцом! Попробуем их взять теплыми. Лучше сейчас, чем потом, когда эта сволочь организуется и сплотится.

– Нужна совместная работа трех ведомств. Такую может инициировать лишь министр внутренних дел.

– Я доложу ему завтра же. «Ивана ивановича» они решили выбрать в столице... Вот я им покажу выборы! Готовьте встречу здесь, в моем кабинете, на вечер завтрашнего дня.

– Точное время могу указать?

Директор глянул в численник:

– В одиннадцать часов. Раньше никак! Пригласите фон Коттена и Филиппова. От наших кто понадобится?

– Степан Петрович, предлагаю старшим по дознанию назначить Василия Ивановича Лебедева. Это устроит Макарова. А секретарем – Анисимова из Восьмого делопроизводства. Он умный, с аналитическими способностями. Пусть и другие чины делопроизводства примут участие. Они составят костяк. Ну и мы с Авестопуло их усилим.

– Договорились.

Уже к полуночи статский советник сел у себя под торшер и раскрыл записи. Так... Четыре резбенно-иконостасных мастерских. Одна на Амбарной улице, прямо напротив Лавры, фамилия хозяина Чухонцев. Вторая на Лиговке, Воздвиженская, 8. Владеет почему-то кавказский человек, Никулидзе. Третья – неподалеку, в Семенцах, там два брата Иванова. И четвертая, последняя, аж в Емельяновке, вблизи Путиловского рельсопрокатного завода. Владельца звать

Акулов-Рындин. Покумекав, статский советник решил на следующий день начать проверку именно с нее. Место глухое, отдаленное, для темных дел наиболее подходящее.

Он ошибся на сто восемьдесят градусов. Успел съездить лишь в Емельяновку, где, заgrimировавшись под сельского дьячка, посетил мастерскую Акулова-Рындина. И даже обсудил с ним заказ на подновление иконостаса в селе Нефедьевка Варнавинского уезда. Хозяин сыщику понравился: спокойный, приветливый, цену не задирает... Когда Лыков вернулся в департамент, Азвестопуло протянул ему пачку бумаг:

– Вот. Я тоже зря времени не терял. Тут патенты на Чухонцева и Никулидзе, чуть позже принесут и на братьев Ивановых. Ну и прочий сор: переписка Чухонцева с приставом насчет уборки снега, судебная тяжба Ивановых с собственной матерью...

– С матерью? И эти люди пишут божьи образа?

– Так точно. Имеются фотографические портреты на братьев-акробатов и на Чухонцева. Будете смотреть? Вдруг кого узнаете. У вас среди рваньи обширные знакомства.

Лыков взял в руки карточки:

– Ты как, шельма, фотопортреты раздобыл?

– Уметь надо! Ну, каково? Мне подозрительны эти два братца. Близнецы, но сволочи будь здоров, по рожам видно. А Чухонцев благообразный.

И сунул ему под нос фото благообразного. Алексей Николаевич бросил взгляд – и обомлел. С карточки на него смотрел... Верлиока. Он же Никифор Ногтев, который был «иваном» и верховодил в Москве еще в 1883 году. Жив, старый громила... Впрочем, когда они встречались тридцать лет назад, Верлиока вызвал у сыщика симпатию. Лыков тогда под своим именем, но играя вольного человека, искал в Первопрестольной двух убийц[24 - См. книгу «Выстрел на Большой Морской»]. Фартовый помогал ему. Присмотревшись к молодому, лет тридцати пяти от роду атаману, молодой титулярный советник Лыков подумал: с таким можно бы и дружить...

Следы Верлиоки позднее затерялись. Московская сыскная устроила после открытий Лыкова погром, но «иван» уцелел. Затем Алексей застрелил местного «короля» по кличке Анчутка Беспятый. Уголовная иерархия в Первопрестольной изменилась, бывшему атаману Лубянки в ней места не нашлось. Никифор не поладил с новым «иваном ивановичем», Мячевым, и вынужден был покинуть город. Следы его изредка мелькали в сводках. Ногтев перебрался в Екатеринбург, сколотил там банду и пошел было в рост. Но попался на грабежах в Ирбите, когда приехал на ярмарку щипать толстосумов. Получил пятнадцать лет каторги, отбыл половину срока и сбежал, через год снова попался в Киеве, опять драпанул и после этого исчез совсем. И вот теперь, спустя столько лет, Верлиока обнаружился вновь. Постаревший, весь какой-то потертый, но живой и при делах.

Глава 4

Совещания, совещания...

Алексей Николаевич так хлопнул ладонью по столешнице, что чуть не проломил ее:

– Ага!!!

Сергей оживился:

– Неужто и впрямь знакомого встретили?

– И еще какого. Вот нахал! Я ищу его на краю города, а он напротив Лавры живет. Ну нахал...

– Так, выходит, Чухонцев и есть тот, кого мы ищем?

– Наверняка. Таких совпадений не бывает. И не Чухонцев он вовсе. Зовут дядьку Никифор Ногтев, кличка Верлиока.

– Никогда про такого не слышал.

– Не слышал потому, что молодой, – обрезал помощника статский советник. – А в свое время он был вентерюшник[25 - Вентерюшник – налетчик.] первый сорт. И притом человек, по уголовным меркам, порядочный. Еще в восемьдесят третьем году в Москве Ногтев уже считался «иваном» и заправлял огромным притоном под названием «Шиповская крепость». Когда я дознавал убийство бывшего министра внутренних дел Макова, то встречался с ним. И знаешь, не без удовольствия. Столько лет прошло, а он жив... Седьмой десяток уже, старик...

– Если ваш приятель уже тогда считался «иваном», значит, и сейчас не последний человек? – предположил Азвестопуло.

– Да уж к гадалке не ходи. Прикрытие Верлиоки – мастерская. Думаю, он участвует в сборе, так сказать, заочных голосов. Участники выборов из отдаленных областей шлют ему бюллетени. Тимофеев должен был привезти голоса лично, и возможно, таковых делегатов ожидается несколько. Значит, Ногтев-Чухонцев обязан их принять, разместить, привести на сходку. Очень интересно.

Вечером в кабинете Белецкого Алексей Николаевич вновь изложил суть дела, для тех, кто был еще не в курсе. А затем сообщил, что отыскал «иванский» «почтовый ящик».

Степан Петрович в ответ тоже сумел удивить подчиненного. Макаров по его докладу приказал создать временную комиссию. Ей поручено найти и разогнать съезд фартовых, арестовать кандидатов на высшую должность и вообще разорить и сжечь дотла... Министр лично телефонировал градоначальнику и выпросил у него Филиппова; столичная сыскная поможет. И еще: старшим комиссии велено назначить его, Лыкова. Вот так.

– Макаров надеется, что я на его поручении сломаю себе шею, – вслух высказался статский советник. Все вокруг знали про его отношения с министром и в душе согласились, но дипломатично промолчали. А Белецкий сразу прикрикнул:

– Не будем честить начальство! Лучше доложите ваш план.

Алексей Николаевич, разумеется, уже подумал над первыми шагами. Поэтому ответил взвешенно:

– Начнем завтра с совещания всех членов комиссии. Фон Коттен пусть даст своих филеров, они лучшие в городе. Поселим двух человек на Амбарной улице, возле резбенно-иконостасной мастерской. В соседнем доме сдаются комнаты внаем. Пусть наблюдают круглосуточно. Это значит только смотреть в окошко! У них же следует установить филерский пункт, чтобы там всегда находились наготове три, а лучше четыре топтуна. Будут водить посетителей для установки личности. Большая часть окажется заказчиками, но могут явиться и те, кто нам нужен. Далее. Смотрим всю корреспонденцию Чухонцева-Ногтева. Причем досконально. Секретные письма наверняка доставляют курьеры. Значит, надо как-то заглянуть в эти конверты. Как – давайте думать.

– Подставить им своих курьеров, – предложил Анисимов.

– Навряд ли выгорит, – возразил его начальник Лебедев. – Там люди опытные, новому лицу ничего важного не отдадут.

– Хотя бы проследить адресатов, уже хорошо, – дополнил Азвестопуло.

Белецкий согласно кивнул и обратился к статскому советнику:

– А что с «иванами»? Сколько их сейчас в городе, возможно ли наблюдение за ними, есть ли агентура? Взять кого в проследку, он и выведет.

– Это все к Филиппову, – ответил сыщик. – Но я вчера с ним встречался и задал похожие вопросы. Владимир Гаврилович ничем меня не обрадовал.

– Вот как? А если градоначальник на него нажмет? По просьбе министра.

– Жми – не жми, а с этим кадром работать очень трудно. Филиппова можно понять. Никто никогда не даст на «ивана» агентурных сведений. Чрезвычайно опасно, пощады не жди. Следить за таким? Для этого надо сначала его установить. А потом водить, день за днем? Это несерьезно, Степан Петрович. Враз заметит. А если сам проглядит, товарищи подскажут. Там уровень конспирации такой, что не снился эсерам с эсдеками. А что касается

внутреннего осведомления... Его возможности в уголовной среде весьма ограничены. Барыги, половые в трактирах, проститутки, коридорные в номерах – вот основной контингент Филиппова. И как они встретятся с Мезгирем или Сорокоумом?

– Послушать вас, так дело совсем тухлое, – нахмурился директор.

– Оно трудное, но не безнадежное. Например, могут выручить москвичи. У них «иванов» всех больше, их депутация должна приехать на выборы. Люди у Кошко толковые. Вдруг кого-то и ведут осведомлением?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Макаров Александр Александрович – министр внутренних дел. (Здесь и далее – примеч. автора.)

2

Филиппов Владимир Гаврилович – начальник Петербургской сыскной полиции (ПСП).

3

«Честный нотариус» – прозвище Макарова в правительственных кругах.

4

См. книгу «Взаперти».

5

ЖПУЖД – жандармско-полицейское управление железной дороги.

6

МОО – Московское охранное отделение.

7

Каурый – светло-каштановый, рыжеватый.

8

По адресу Александровский проспект, 2, располагалось Петербургское охранное отделение.

9

«Демон» – легендированный агент полиции, внедренный в преступную среду.

10

Еврейской наружности.

11

Офицерская артиллерийская школа стрельбы – военно-учебное заведение русской армии.

12

Князев Леонид Михайлович – иркутский генерал-губернатор.

13

С.с. – статский советник.

14

В Департаменте полиции имелись бесплатные годовые железнодорожные билеты для служебных нужд.

15

«Сахала» – криминальная публика, переехавшая после потери Сахалина в Приморье и Забайкалье: ссыльнопоселенцы, скупщики краденого, тайные винокуры и т. п.

16

См. книгу «Столица беглых».

17

«Беленькая» – купюра в 25 рублей.

18

Оттиск – копия телеграммы, которая остается на почте.

19

См. книгу «Между Амуром и Невой».

20

Кошко Аркадий Францевич – начальник Московской сыскной полиции.

21

См. книгу «Взаперти».

22

Маз – атаман шайки, следующий после «ивана» в преступной табели о рангах.

23

Положить голову на рукомойник – убить (жарг.).

24

См. книгу «Выстрел на Большой Морской».

Вентерюшник – налетчик.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nikolay-svechin/pautina>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)